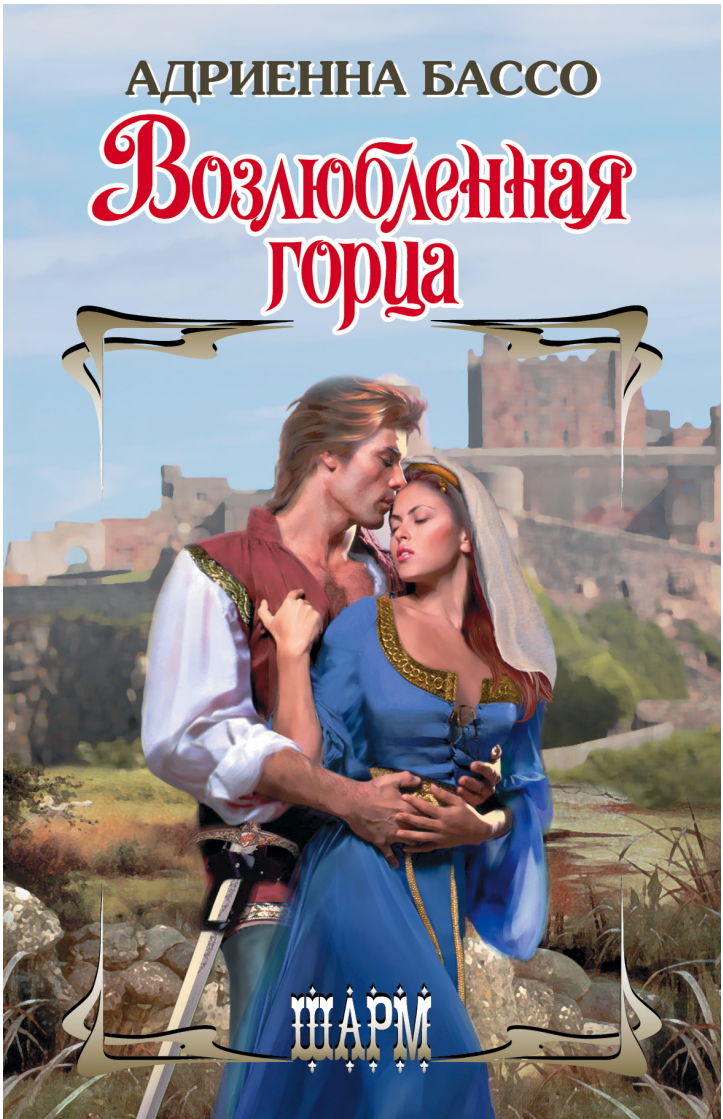
АДРИЕННА БАССО

Возлюбленная горца



ШАРМ

Адриенна Бассо
Возлюбленная горца
Серия «Шарм (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29796573
Возлюбленная горца: роман / Адриенна Бассо: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-104386-5

Аннотация

Казалось бы, что могло помешать обаятельному сыну предводителя клана Маккена Джеймсу и прелестной Давине из клана Армстронг пожениться в первом цвету юности и обрести семейное счастье? Но один злополучный день изменил все – ведь в этот день произошла трагедия, вынудившая Джеймса отправиться крестоносцем на Восток, а Давину – затвориться в фамильном замке. Однако время лечит, люди взрослеют и становятся мудрее, и годы спустя Джеймс возвращается – закаленный в битвах, возмужавший. Возвращается – и обнаруживает, что та, которую он не переставал любить ни на минуту, теперь предназначена в жены его старшему брату…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 30
Глава 3 46
Глава 4 60
Глава 5 80
Глава 6 102
Конец ознакомительного фрагмента. 103

Адриенна Бассо
Возлюбленная горца
Роман

Adrienne Basso
The highlander who loved me
© Adrienne Basso, 2016
© Перевод. Я.Е. Царькова, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Данфермлинское аббатство
Лето 1329 года

– Не могу поверить, что его больше нет в живых, – уважительно понизив голос, произнес молодой рыцарь – один из тех, кому, как и сэру Джеймсу Маккену, пришлось тесниться у входа в переполненную церковь.

– Мне тоже не верится. Сегодня печальный день для всех нас, – тихо ответил сэр Джеймс.

В том, что церковь не смогла вместить всех желающих проститься с покойным, не было ничего необычного. Король Брюс стал легендой еще при жизни.

О том, что король Шотландии – настоящий герой, Джеймс знал с самого детства. Он знал Роберта Брюса по рассказам отца и дяди, сражавшихся бок о бок с легендарным монархом, сумевшим отвести от Шотландии железный кулак англичан и объединить под своим началом разрозненные кланы.

Во всех великих сражениях – будь то героическая оборона Метвена или битва при Лаудон-Хилле, принесшая триумфальную победу, – король неизменно вдохновлял своих подданных храбростью, мужеством и отвагой, оставаясь при этом дальновидным и мудрым политиком. Но сегодня воины

Шотландии собрались не для того, чтобы праздновать победы вместе со своим королем или делить горечь поражения, а для того, чтобы проводить его в последний путь.

Джеймс вытянул шею, пытаясь отыскать родственников и знакомых. Два самых близких ему человека тоже находились здесь, и, в отличие от него, Джеймса, зажатого со всех сторон, эти двое, не теснясь, сидели на ближайшей к алтарю почетной скамье.

Сэру Джеймсу, конечно, было немного обидно, но он понимал, что таков порядок, ибо он, Джеймс, в отличие от Малколма, первенца, являлся всего лишь вторым сыном Маккены – вождя самого могущественного клана в Шотландском нагорье.

По крайней мере, как и всех мужчин рода Маккены, ростом Джеймса бог не обидел, и потому он мог беспрепятственно наблюдать за ходом траурной церемонии. Между тем панихида закончилась, и гроб с телом короля подняли с постамента и опустили в склеп, расположенный прямо под алтарем, где уже покоилось тело покойной жены Роберта Брюса королевы Элизабет. Опустив голову, в глубокой печали, воины, отдавшие своему королю последние почести, покидали церковь.

Вскоре церковь опустела, зато церковный двор заполнился людьми; соратники Брюса вспоминали битвы, в которых сражались бок о бок со своим королем. Но воспоминания воспоминаниями, а все же следовало подумать, как жить

дальше без короля. И потому вожди кланов перешли на разговоры о том, что по-настоящему волновало всех присутствовавших, – заговорили о будущем.

Хотя смерть короля не стала неожиданностью – он больше года тяжело болел, – среди вождей кланов не было согласия в том, кто должен стать преемником Роберта.

Единственному сыну короля, Дэвиду, на момент смерти отца едва исполнилось пять лет. Граф Морей был назначен его опекуном и должен был править от имени малолетнего короля, пока тот не сможет взять бразды правления в свои руки.

Некоторых вождей вполне устраивал такой расклад, другие же были недовольны. И для того чтобы объединить множество кланов – принимая во внимание страстную любовь шотландцев к независимости и нежелание большинства вождей считаться с чужим мнением, – требовалась фигура масштаба Роберта Брюса. Увы, теперь, когда его не стало, над страной нависла угроза междоусобной войны. Так что оставалось только гадать, кто из вождей замахнется на корону и сможет ли он ее добыть.

Джеймс, который никогда всерьез не интересовался политикой, испытывал по поводу предстоящих событий смешанные чувства. С одной стороны, война могла бы дать ему шанс подняться, занять более достойное положение в обществе – возможно, он мог бы стать владельцем собственного замка. Но это при условии, что он правильно выберет сторону, на

которой ему предстоит воевать, и, что еще важнее, останется в живых. Война, как говорится, дело рискованное.

– Я рад, что ты нашел возможность приехать сюда, Джеймс, чтобы почтить память покойного. Пусть все знают, что мои сыновья верны делу Брюса и короне.

Джеймс обернулся и крепко обнял своего отца Брайана.

– Боюсь, отец, меня все равно никто не заметил в давке у входа.

– Не скажи, парень… – послышался знакомый голос. – Не заметить тебя трудно – с твоим-то ростом!

Джеймс снова обернулся и, расплывшись в улыбке, воскликнул:

– О, дядя Эван! – Джеймс обнялся с дядюшкой, в замке которого часто гостил мальчишкой. Сэр Эван передал племяннику много полезных навыков, в частности, научил ловко обращаться с мечом. – Как обстоят дела в замке Тайри?

Пожилой воин пожал плечами.

– С тех пор, как ты гостил у нас в последний раз, мало что изменилось. Кэмерон упрашивал меня взять его с собой, но твоя тетя и слышать об этом не хотела.

Джеймс с улыбкой кивнул. Тетя Грейс всегда боялась, как бы с ее детьми чего не случилось. Если бы могла, никогда бы их из-под своего крыла не выпускала. И если уж она что-то решила… Переубедить ее не представлялось никакой возможности. В этой, в общем-то, милой женщине с рассудительностью и практичностью каким-то неведомым образом

уживалось твердолобое упрямство и поразительное умение добиваться своего любыми способами. Впрочем, подобные черты были свойственны всем женщинам клана Маккены.

– Моя сестра нещадно балует своих сыновей, – заявил Брайан Маккена. – Поверить не могу, что ты ей это позволяешь, Эван.

Нисколько не обидевшись на слова шурина, сэр Эван, усмехнувшись, заметил:

– Мне важно, чтобы в доме был мир. Твоя сестра редко мне перечит, но если уж ей что-то не по нраву, ох, спорить с ней себе дороже. Лучше уж сделать так, как она просит.

Джеймс тоже украдкой усмехнулся. Его-то отец мог рвать и метать сколько душе угодно, но и сам частенько шел на поводу у жены. Но на то была серьезная причина – Айлен Синклер Маккена не потерпела бы к себе иного отношения. Да, мать Джеймса умела за себя постоять, и отец с годами уяснил, что лучше с ней не связываться.

Заметив приближавшуюся к ним группу вождей соседних кланов, Джеймс уважительно отступил в сторону, смешавшись с толпой, тогда как Малколм, старший брат Джеймса, занял его место возле отца. Разумеется, Джеймс, как обычно, тяжко вздохнул от обиды – но что с этим поделаешь? Ведь он был вторым сыном, и ему на роду было написано играть второстепенную роль, тогда как Малколм, первенец, с рождения воспитывался как будущий вождь, то есть умел и воевать, и договариваться… и решать множество других слож-

ных вопросов. И сейчас, в предстоящей важнейшей дискуссии, Малколм, конечно же, тоже должен был сказать свое слово.

Наблюдая за происходящим со стороны, Джеймс узнавал многих – если не всех – обступивших отца вождей. Но кто знал, что скрывалось за невозмутимостью их лиц? Впрочем, кое-кто не умел – или не хотел – скрывать своих эмоций (некоторые вожди вели себя демонстративно дерзко, словно бросали вызов тем, кто был готов защищать и поддерживать закон и порядок). Но были и колеблющиеся, еще не успевшие определиться с тем, чью сторону займут. Разговор, как и ожидалось, шел о будущей независимости Шотландии и о коварстве вероломных англичан. Причем голос отца звучал громче других. При этом Брайан Маккена даже пытался сдерживаться и скрывать свои истинные чувства. Сэр Брайан служил королю верой и правдой долгие годы, поэтому выпады тех, кто подвергал сомнению право сына Роберта Брюса на престол, не могли оставить его равнодушным.

Между тем к группе переговорщиков присоединился и сэр Джеймс Дуглас. Широкоплечий, с горделивой осанкой человека, знающего себе цену, сэр Дуглас, однако же, обладал в глазах окружающих меньшим влиянием, чем Брайан Маккена; Джеймс заметил, как люди переминались с ноги на ногу, слушая Дугласа – мол, поскорее бы закончил. Когда же он умолк, все начали расходиться.

Джеймс посмотрел на затянутое тучами небо, потом пере-

вел взгляд на отца. Интересно, как поступит Брайан Маккена – поспешит отправиться в обратный путь, пока не начался дождь? Или, может быть, останется и попытается привлечь на свою сторону тех, кто поддерживает юного короля?

– Малколм поедет с кланом Дугласа, – сказал Брайан, подойдя к сыну. – Я бы хотел, чтобы ты сопровождал Армстронгов, пока они не вернутся на свои земли. И я хочу, чтобы ты оставался у них до тех пор, пока в тебе будет нужда.

Не в силах скрыть удивление, Джеймс проговорил:

– Мне понятно, почему Малколм поедет с Дугласами – он обручен с дочерью сэра Джеймса. Но зачем мне сопровождать клан Армстронгов?

– Ты постоянно жалуешься, что тебе скучно дома. Тебе хотелось приключений, так вот – получай, – заявил Брайан с усмешкой.

А Джеймс, конечно же, промолчал; он понимал, что за этой просьбой отца стоит нечто большее, чем дружественный жест по отношению к соседнему клану.

– И сейчас, – продолжал сэр Брайан, – нам очень важно обзавестись союзниками, понимаешь? Ты заметил на шее у сэра Дугласа серебряную цепь с прикрепленным к ней ларцом?

Джеймс утвердительно кивнул.

– Да, конечно.

– Так вот, в ларце находится забальзамированное сердце покойного короля.

Джеймс поморщился и пробормотал:

– Я слышал, как один из рыцарей об этом рассказывал, но я подумал, что это только слух.

– Нет, это правда. Столь убедительная демонстрация верности клана Дугласа королю и монархии снимает все вопросы относительно его намерений.

Джеймс осмотрелся. Не увидев никого поблизости, тихо спросил:

– А так ли искренне сэр Дуглас предан королю и короне?

– Я думаю, что Дуглас с удовольствием поддержит короля… при условии, что ему это выгодно. И будет поддерживать его ровно столько, сколько ему будет это выгодно, – добавил Брайан, поморщившись.

– И Армстронги верны короне настолько же, насколько и Дуглас?

– Лэрд Армстронг осторожен. И его можно понять. Тем не менее наш союз должен быть нерушим и крепок. Стоит появиться бреши, как англичане, увидев нашу слабость, набросятся на нас, и тогда наша с таким трудом завоеванная независимость окажется под большим вопросом.

Брайан Маккена прочистил горло и, нахмурившись, добавил:

– Я хочу, чтобы лэрд Армстронг знал, как ценен для меня союз с ним. Если ему когда-либо понадобится моя поддержка, он ее непременно получит. И я отправляю тебя, своего сына, к нему в знак доверия и дружбы. Он должен оценить

этот жест.

Джеймс, глубоко тронутый тем, что отец доверил ему столь важную миссию, с трудом сдерживал эмоции. Ему стоило немалых усилий сохранять внешнее спокойствие.

– Отец, если ты веришь, что мое присутствие может помочь, я с радостью выполню поручение, – заявил он.

Брайан Маккена одобрительно кивнул и вознаградил сына улыбкой.

Джеймс тоже улыбнулся; он чувствовал, как грудь его распирает от гордости – и так было всегда, когда его всеми уважаемый отец удостаивал младшего сына своим вниманием. Но теперь слепое детское обожание сменилось вполне осознанным уважением к человеку, который отвечал не только за свою семью, но и за благополучие всего клана.

Клан Маккены всегда был сильным, влиятельным и богатым. До сих пор Джеймс считал, что своим благополучием они обязаны лидерским качествам отца и его беспримерному владению мечом. Однако теперь Джеймс понял, что хитрость и проницательность, умение искусно обходить препятствия и идти на уступки, когда этого требовали обстоятельства, нужны были вождю клана ничуть не меньше, чем храбрость и отвага.

– Кажется, нам придется попрощаться на время, братишка. Отец говорит, ты должен ехать с Армстронгами.

Джеймс смерил старшего брата взглядом. Малколм взял лучшее от родителей – ростом и статью пошел в отца, а от

матери ему достались выразительные голубые глаза и улыбка, перед которой невозможно было устоять.

И характеру старшего брата только позавидовать! Малколма трудно было вывести из себя; он был настолько уверен в себе, что не испытывал потребности доказывать свою правоту (казалось, он понятия не имел о том, что такое сомнения и тревоги, постоянно отравлявшие жизнь Джеймсу).

Да, конечно, Джеймс завидовал старшему брату, однако утешал себя мыслью о том, что когда-нибудь, наверное, и у него, Джеймса, что-то изменится в лучшую сторону.

– А ты, говорят, поедешь с кланом Дугласа, – сказал Джеймс.

Малколм ухмыльнулся и толкнул брата в плечо.

– Помни, братишка, грех сладок, а человек падок. Пусть мухи летят на мед, а ты держись от соблазнов подальше.

Джеймс нахмурился и проворчал:

– Вот себе об этом и напоминай, а мне зачем? Думай, братец, как удержаться от греха, когда твоя невеста с тебя влюбленных глаз не сводит!

Малколм отыскал взглядом свою невесту, стоявшую рядом со своим отцом, сэром Дугласом. Заметив, что жених на нее посмотрел, девушка радостно улыбнулась. А Малколм в задумчивости произнес:

– А она пригожая, моя Маргарет.

– И смелая, – подхватил Джеймс. – Держу пари, она тебе не откажет, если предложишь ей провести первую брачную

ночь до венчания. – При этих словах Джеймс шутливо толкнул брата в плечо, но тот даже не улыбнулся.

– Боюсь, ты прав, – буркнул Малколм. – Мне честь моей невесты дороже… чем ей самой.

Джеймс в удивлении вскинул брови. Его опыт общения с женским полом ограничивался несколькими молодыми вдовами из их же клана, и, хотя его вполне устраивали результаты этого общения, он все же не очень-то разбирался в вопросе. В его представлении было бы верхом глупости отказываться от того, что тебе предлагала хорошенькая девица.

– Она тебе не нравится? – решился спросить Джеймс.

– Она вполне симпатичная, но слишком уж ей хочется мне угодить.

Джеймс почесал затылок. «Что же в этом плохого?» – подумал он.

– Мне кажется, тебе понравилось бы жить с покладистой, услужливой женой.

– Вот они, слова младенца, не знающего греха, – с шутливой торжественностью провозгласил Малколм и, хлопнув брата по спине, наставительно добавил: – Весь смысл в том, чтобы сорвать приз. Но победа должна быть выстрадана, понимаешь?

– Ты хочешь, чтобы Маргарет сопротивлялась тебе?

Малколм невесело усмехнулся.

– Я последую примеру отца и не стану спать с другими женщинами после того, как женюсь. Но боюсь, меня ждет

невыносимо скучная жизнь с такой смирной и покорной женой.

– Малколм, у тебя с головой… все в порядке?

– У меня-то как раз с головой все нормально, а вот тебе думать головой пока не удается, – со смехом ответил старший брат. – Жена ведь не только для постели нужна. И тебе стоит об этом помнить, когда придет время выбирать невесту. – Кивнув на прощание, Малколм ушел, оставив младшего брата в недоумении.

«Что же он хотел этим сказать? – спрашивал себя Джеймс. – Какая еще жена ему нужна? Ведь хорошенькая женщина, всегда готовая угодить своему мужу, – лучше жены и не придумаешь!» Выходит, удача сама плыла Малколму в руки, а он нос воротил. Как это на него похоже!

Малколм был старше Джеймса всего на два года. Братья были неразлучны в детстве, но узы дружбы слабели по мере того, как росло между ними соперничество.

Малколм был наследником, отцовским любимчиком, и Джеймс, хотя никогда и не говорил об этом открыто, в душе завидовал брату, порой сильно завидовал.

Наскоро распрощавшись с отцом и дядей, Джеймс отправился седлать коня. Начался дождь. Земля быстро размокла. Небо было тяжелым и серым. «Скорее всего, придется промокнуть насквозь», – со вздохом подумал Джеймс.

Подъезжая к стану Армстронгов, он заметил трех женщин, каждая из которых ехала в окружении всадников. Са-

мая старшая из женщин, очевидно, являлась женой лэрда Армстронга, а две молодые, наверное, были ее дочерьми, хотя Джеймс никогда не видел сестер, так сильно непохожих друг на друга.

Одну из дочерей Джеймс сразу окрестил про себя бурой куропаточкой, а вторую – золотистой лебедицей. Обе были стройные и ладные, но лишь златовласая красавица притягивала мужские взгляды и будила чувства – ее лицом с точеными скулами и полными сочными губами можно было любоваться бесконечно.

Зная о том, что на нее смотрят, блондинка вскинула голову, и ее коса засияла золотом, словно солнце выглянуло из-за туч. Джеймс же смотрел на нее словно завороженный. Но потом она улыбнулась – и волшебству пришел конец; Джеймс поймал себя на том, что потерял к красавице всякий интерес. Он тотчас же узнал этот расчетливо-кокетливый взгляд. Такая женщина выставляла свою красоту напоказ, а тем временем плела паутину, в которую непременно попадется глупец, поверивший, что ее улыбка – для него одного.

Резко развернув коня, Джеймс поскакал к началу колонны. Люди Армстронга вежливо приветствовали его наклонами головы, но никто не делал попыток заговорить с ним. И Джеймс сразу понял: он для них чужой и таковым останется, пока не докажет обратного.

Под моросящим дождем кавалькада начала подъем по крутому каменистому склону. Чтобы не оступиться на

скользких камнях, приходилось ехать медленно, соблюдая предельную осторожность. Миновав крутой подъем и чуть более пологий, но не менее опасный спуск, они решили разбить на ночь лагерь.

Зная, что в первую очередь следовало заботиться о коне, Джеймс повел своего жеребца на водопой к лесному ручью. Напоив своего верного друга, он уже собрался возвращаться в лагерь, но тут вдруг увидел шедшую к ручью женщину – она несла по деревянному ведру в каждой руке.

По плащу Джеймс узнал в ней одну из дочерей лэрда. Хотя голову ее покрывал капюшон, Джеймс сразу догадался, что перед ним – не златовласая красавица, а та, которую он про себя называл бурой куропаточкой. Его догадка подтвердилась, когда девушка опустилась на колени возле ручья и опустила ведро в воду. Капюшон ее соскользнул, открыв взгляду темно-русые волосы.

– Надо было попросить кого-нибудь из мужчин принести вам воды, – произнес Джеймс, шагнув ей навстречу.

Девушка вскрикнула от неожиданности и выронила оба ведра. Одно из них подхватило течением и понесло. Джеймс отреагировал мгновенно и выловил ведро.

Наполнив ведра, он поставил их на землю возле «бурой куропатки». Но девушка не торопилась забирать ведра – все так же стояла на коленях у воды и смотрела на молодого человека.

– Вы меня напугали, – проговорила она с упреком.

– Прошу прощения. – Джеймс невольно съежился под ее суровым взглядом. – Но там, откуда я родом, воду носят слуги, а не знатные дамы. О том, чтобы у вас имелось все необходимое, должны были позаботиться те, кто вас сопровождает.

Девушка потупила взгляд, но Джеймсу показалось, что она прятала улыбку.

– Нашему конвою есть чем заняться помимо того, чтобы носить мне воду, – сказала наконец девица. – Я не хотела никого утруждать. Кроме того, моя тетя не любит, когда я сижу без дела. Ей и моей кузине понадобится вода для умывания, поскольку же горничных с нами нет, работу поручили мне.

– Кузине? Выходит, та, другая девушка, не ваша родная сестра?

– Господи, конечно, нет! – Девица энергично покачала головой. – Джоан – моя двоюродная сестра. Наши отцы были братьями, причем мой был младшим из двух сыновей.

– Вы говорите «был»?

– Да. Он умер пять лет назад. Как и моя мать. – Голос девушки дрогнул, а в глазах появилась печаль.

– Но боль утраты еще свежа… – с сочувствием заметил Джеймс.

– Бывают моменты, когда я ощущаю эту боль гораздо острее, чем обычно. Когда бываешь на похоронах, невольно задумываешься о бренности всего и вспоминаешь ушедших близких… – Девушка прикусила губу и, как бы извиняясь,

добавила: – Простите меня, сэр. Я слишком расчувствовалась. Я знаю, как это раздражает окружающих. Кузина Джоан постоянно мне об этом говорит. Она считает, что пять лет – достаточный срок, чтобы боль утихла.

Джеймс промолчал; ему не очень-то понравилось то, что он услышал. Она сочла нужным оправдываться перед ним. Но почему? Неужели ее родные настолько бессердечны?

– Кто искренне любит, страдает сильнее тех, кто лишь делает вид, что любит, – произнес он наконец.

Девушка подняла на него исполненные решимостью глаза – ей так хотелось казаться сильной! Решимость ее одновременно и восхищала, и трогала. Джеймс смотрел в ее карие глаза, понимая, что не может отвести взгляд. Сердце его сладостно сжалось – и замерло на мгновение.

«Да она же прехорошенькая! – воскликнул он мысленно. Конечно, не такая ослепительная красавица, как ее златовласая кузина, но отнюдь не дурнушка». У кареглазой девушки черты лица были правильными и тонкими, и смотреть на нее было весьма приятно… Кожа – чистая и гладкая, нежного сливочного оттенка. А рот – крупный, красиво очерченный.

Свои темные волосы она заплела в толстую косу, доходившую чуть ли не до талии. Волосы же блестели в лучах предзакатного солнца, пробивавшихся сквозь зелень листвы. И еще Джеймс уловил исходивший от нее аромат свежести – настолько приятный, что хотелось приблизиться к ней и вдохнуть его полной грудью.

Но он все же поборол искушение – не хотел, чтобы она сочла его грубияном и невежей.

Джеймс присел на корточки, не сводя взгляда с девушки. И вдруг заметил золотистые искорки в ее глазах. И еще он увидел, что ресницы у нее – длинные, густые и темные, а брови – очень красивые. Но больше всего ему нравился ее взгляд – в нем не было фальши. Душа ее была чиста и открыта перед ним.

– Я до сих пор не знаю вашего имени, миледи, – тихо проговорил молодой человек.

– Меня зовут Давина.

– А меня – Джеймс.

– Я знаю, – кивнула девушка.

Тут Джеймс выпрямился и протянул ей руку. Давина нахмурилась, явно озадаченная, но, чуть помедлив, подала ему свою руку, залившись при этом стыдливым румянцем. Оба были без перчаток, и, помогая ей подняться, Джеймс почувствовал, какие тонкие у нее пальцы.

Был миг искушения – ему ужасно захотелось поставить ей подножку, и тогда бы он мог, якобы удерживая девушку от падения, прижать ее к себе. Но ему удалось побороть это желание.

– Я восхищаюсь вашей силой и мужеством перед лицом скорби, – тихо произнес Джеймс.

Давина со вздохом покачала головой.

– О, в этом мире столько людей, знающих боль настояще-

го страдания. Я едва ли могу причислить себя к ним, ибо у меня есть кров, пища и защита. Да, конечно, я знаю, что родственники видят во мне обузу, но они же меня не бросили… Знаете, редкий день проходит без того, чтобы я не тосковала по своим родителям, и все же я понимаю, что на самом деле мне очень повезло.

Она говорила вполне искренне, однако в голосе ее была неизбывная печаль. А вот Джеймс мог считать себя баловнем судьбы – он рос в любви и достатке, так как являлся сыном вождя одного из самых могущественных кланов Шотландии. Родственники Давины взяли ее к себе лишь потому, что считали своим христианским долгом приютить сироту, и бедняжка прекрасно это понимала. Но при этом она не опускалась до жалости к себе – была выше этого.

– Я провожу вас в лагерь, – сказал Джеймс.

Давина потупилась.

– Я вполне могу дойти сама, сэр Джеймс.

– Я считаю своим долгом проводить вас.

– Своим долгом? – в недоумении переспросила девушка.

– Разумеется. Долг рыцаря – помочь прекрасной даме, попавшей в трудное положение. Молю вас, не лишайте меня возможности почувствовать себя благородным рыцарем.

– Мы совсем рядом с лагерем, – возразила Давина. Но все же позволила молодому человеку усадить ее на коня.

Инстинктивно, боясь упасть, она прижала ноги к бокам коня, натянув ткань платья, и Джеймс увидел, какие у нее

стройные ножки.

– Прекрасной даме не пристало ходить по земле, если можно перемещаться верхом, – произнес Джеймс и отвесил девушке низкий поклон. Джеймс заигрывал с ней, и по ее глазам он понял, что она это заметила, но, к счастью, взгляд ее сделался не осуждающим, а, напротив, озорным.

Джеймс широко улыбнулся, и Давина, скромно потупив глаза, тоже улыбнулась. Подвесив ведра с водой на луку седла, Джеймс ловко вскочил на коня, устроившись позади девушки. Та вскрикнула от неожиданности, но тут же тихо рассмеялась.

Осмотревшись, Джеймс пустил коня шагом, держа поводья в правой руке, а левой обнимая Давину за талию.

– Расслабьтесь, – сказал он, осторожно привлекая ее к себе.

Она на мгновение замерла, но затем все же прислонилась спиной к его груди. А Джеймс, снова улыбнувшись, сказал себе: «Похоже, задание, что поручил мне отец, выйдет куда приятнее, чем ожидалось».

Через несколько дней Давина заметила, что уже не испытывала прежней усталости оттого, что проводила почти весь день в седле. Зато ночами ей было не до сна. Можно было бы сказать, что виной тому – сопение и храп множества людей, спавших по соседству, но Давина-то знала: причина ее бессонницы – совсем в другом. И причиной этой являлся

Джеймс Маккена.

Юный рыцарь целыми днями развлекал ее всевозможными байками, забавными историями и шутками. Ей нравилось проводить с Джеймсом время, и она с нетерпением ждала утра, чтобы снова побыть вместе с ним.

– Я видела, как ты опять говорила с сэром Джеймсом сегодня утром, перед тем, как мы тронулись в путь, – сказала Джоан, подъехав к кузине.

Давина потупила взгляд, мысленно приказав себе не реагировать на ядовитый тон родственницы. Ведь Джоан – красавица, которая привыкла к тому, что львиная доля мужского внимания всегда доставалась ей. Однако Джеймс, пусть и не грубо – благородный рыцарь никогда не позволит себе грубости по отношению к прекрасной даме, – но все же твердо дал Джоан понять, что ее обществу он предпочитает общество ее двоюродной сестры.

– Сэр Джеймс начертил на земле карту и показывал мне, сколько еще нам осталось проехать до дома, вот и все, – ответила Давина.

Джоан прищурилась и проворчала:

– Но ты при этом гоготала как гусыня. Чем же тебя так рассмешила нарисованная на земле карта?

– У Джеймса есть дар. Он все что угодно может представить в забавном свете.

– Какой удивительно… никчемный талант, – снова съязвила Джоан. – Полагаю, мне не следует удивляться тому, что

тебя увлекают мужчины вроде него. Я думала, ты умнее, да, видно, зря я так думала.

Давина с трудом подавила смешок. Что плохого в таких мужчинах, как Джеймс? Он парень видный, язык у него хорошо подвешен, глаза искрятся умом, а на подбородке – ямочка, которую так и тянуло погладить. Любая девушка была бы рада вниманию такого мужчины, и она, Давина, не исключение.

Но не только его внешность и обезоруживающая улыбка покорили Давину. Джеймс заметно отличался от всех прочих молодых людей. Уверенный в себе, он все же не был высокомерным. Сильный и мужественный, он умел быть мягким и нежным. Джеймс умел и любил пошутить, но объектом своих самых тонких и остроумных шуток всегда делал себя самого, а не других.

Джоан никогда бы и ни за что в этом не призналась, но Давина-то точно знала, что кузину терзала ревность, и потому она благородно прощала красавице все ее колкости.

– Джеймс добрый и вежливый, – сказала Давина, – и я нахожу его общество весьма приятным и интересным.

– Ты проводишь с ним слишком уж много времени, – продолжала гнуть свое Джоан. – На вас уже пальцем показывают.

– Неправда!

– Сущая правда. Я говорю тебе об этом лишь для того, чтобы ты знала, как это выглядит со стороны, и сделала пра-

вильные выводы. Своей глупой влюбленностью ты выставляешь себя на посмешище.

– Я не делаю никаких глупостей, – возразила Давина.

Джоан пожала плечами.

– Думай что хочешь. Но ты должна понимать, что он проявляет к тебе интерес лишь потому, что знает, что замок – часть твоего приданого.

Давине хотелось прокричать в ответ громкое «нет», но она промолчала, не желая показывать кузине, как больно задели ее эти слова. И был момент, когда в душу ее закралось сомнение. «А что, если Джоан права? – спрашивала себя девушка. – Что, если все знаки внимания со стороны Джеймса направлены лишь на то, чтобы завладеть моим имуществом?»

– Отчего-то мне не верится, что такой ничем не примечательный замок, как Торридон, может заинтересовать сына Маккены, – произнесла Давина, пожав плечами.

– Видишь ли, твой Джеймс – второй сын, – с сарказмом заметила Джоан. – Безземельный рыцарь! Знаю я этих нищих вторых сыновей. Они за любой клочок земли кому угодно глотку перегрызут.

Давина снова пожала плечами. Даже если в словах Джоан и был какой-то резон, мотивы кузины были далеки от благородства. Ведь Джоан явно ей завидовала! И что бы там она ни говорила, отсутствие внимания со стороны Джеймса не давало ей покоя; Давина прекрасно это понимала, так как довольно хорошо знала характер своей двоюродной сестры.

Словно почувствовав, что говорили о нем, Джеймс глянул через плечо и посмотрел на Давину. И в тот же миг девушка почувствовала, как у нее перехватило дыхание, а по телу прокатилась сладостная дрожь. Давина сама себе удивлялась – она не понимала, что с ней происходило. Да, не понимала, но точно знала: сейчас ей было так хорошо, как никогда прежде.

На следующий день они пересекли невидимую границу и оказались на землях, принадлежавших клану Армстронгов. Никто Джеймсу ничего не говорил, но он понял, на чьей земле они находились, наблюдая за воинами конвоя. Исчезла прежняя напряженность, а на лицах людей появились улыбки. А Джеймсу вдруг стало тоскливо при мысли о скором расставании с Давиной…

Хотя, с другой стороны, отец ведь не настаивал на его скором возвращении домой, не так ли? И если лэрд не будет возражать, то он, Джеймс, мог бы и задержаться у Армстронгов. Скажем, до конца лета.

Джеймс покосился на Давину, ехавшую рядом с ним. Та одарила его робкой улыбкой и облизала губы. И в то же мгновение Джеймса пронзило желание. Теперь-то он твердо решил, что постарается подольше задержаться в гостях.

– Замок Армстронгов вон за тем холмом, – сказала Давина, указывая вдаль. – К ночи мы должны доехать.

– Почему вы не улыбаетесь, когда говорите об этом, Давина? Разве путешествие вас не утомило?

Девушка склонила голову к плечу, как бы раздумывая над словами молодого рыцаря.

– Конечно, я соскучилась по удобной кровати и настоящей крыше над головой, – ответила она, помолчав. – Но жизнь будет казаться очень уж скучной после того, как закончится это приключение. А вы что скажите? Вам, наверное, не терпится поскорее вернуться домой?

Джеймс пожал плечами.

– Я много лет провел в замке Маккены. Хорошо бы ненадолго сменить обстановку.

– Я слышала, что замок Маккены очень большой и грозный.

– Да, он нависает над долиной, накрывая ее своей тенью.

– И как к этому относятся фермеры, что живут в долине? Не жалуются? Урожаю ваш замок не вредит? – со смешком спросила Давина.

Джеймс в ответ расхохотался.

– Нет, фермеры не жалуются. Наши враги знают, что замок им не взять, вот они и не суются на наши земли. А фермерам от этого только лучше. И не только им.

– А приятно ли жить в таком суровом замке?

Джеймс вспомнил о высоких стенах с парапетами и бойницами, а также о четырех сторожевых башнях на все стороны света и широком глубоком рве, окружавшем замок.

– Наш замок суров на вид, это верно. Но моя мать делает все, чтобы внутри было уютно. В главном зале всегда горит

огонь в камине, чтобы прогнать сырость, а на стенах висят нарядные шерстяные гобелены. У нас даже окна в спальнях застеклены. А у родителей в спальне в окнах – настоящие витражи.

– Правда?

Джеймс невольно усмехнулся. По правде говоря, витраж и впрямь впечатлял. И пусть Маккена ворчал по поводу «выброшенных на ветер денег» – отказать своей жене он никак не мог.

– Если бы вы видели, как в солнечный день играет в комнате свет, переливаясь всеми цветами радуги! Когда мы были детьми, нас с братом и сестрой всегда завораживало это зрелище, а мама говорила, что к нам в гости прилетают волшебницы-феи.

– Такое даже трудно представить… – пробормотала Давина.

Джеймс улыбнулся и заявил:

– Тогда вы должны увидеть это чудо собственными глазами.

– Почему бы и нет? – просияв, ответила девушка.

Глава 2

Давина кивнула стражникам, выходя за ворота замка. Улыбаясь, она куталась в теплую шаль, защищавшую от холодного ветра.

Солнце светило ярко, поднимая настроение, но настоящей радостью ее наполняла мысль о том, ради чего она покинула высокие стены замка. И тот час, что она потратила на дорогу, ничуть не умерил ее радости.

Приставив ладонь к глазам, девушка смотрела вверх – туда, где на вершине холма с крутыми скалистыми отрогами стоял мужчина, которого она узнала бы из тысячи. «Джеймс, мой Джеймс!» – мысленно восклицала она.

Он помахал ей рукой, и сердце Давины забилось чаще, как всегда бывало, когда Джеймс смотрел на нее.

Давина прикрыла глаза, набрала полную грудь воздуха и замерла, заклиная мгновение остановиться. То, о чем она молилась все эти пять лет, чего так желала, – это наконец осуществилось! Впервые с тех пор, как умерли ее родители, она обрела по-настоящему близкого человека. Того, кто утешал ее и смешил. Того, кто ее слушал. Того, о ком она думала постоянно. Джеймс восхищался ее волей и побуждал говорить то, что она действительно думала, побуждал к откровенности. Более того, он ценил ее как личность и превозносил как женщину.

Не чуя под собой ног, Давина побежала вверх по склону – побежала навстречу своему Джеймсу. Задыхаясь от быстрого бега, она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в свежевыбритую щеку.

– Давина, разве так надо целовать мужчину? – спросил Джеймс с улыбкой.

– Хватит ныть! – рассмеялась она. – Разве не ты учил меня целоваться? Каков учитель, такова и ученица!

Снова рассмеявшись, Давина побежала к березовой роще, и Джеймс бросился следом за ней. Конечно же, он без труда ее догнал и заключил в объятия. И они, продолжая смеяться, какое-то время стояли в обнимку.

– Я тебя не так учил целоваться, Давина Армстронг! – воскликнул молодой рыцарь. – Ну-ка, поцелуй меня по-настоящему!

Щеки девушки горели огнем. Ничего слаще, ничего волшебнее, чем поцелуи Джеймса, не было для нее на свете. И чем больше он ее целовал, тем больше ей хотелось, чтобы это не прекращалось.

Принимая вызов, Давина обвила руками его шею и, приподнявшись на носки, прижалась губами к его губам. Очень скоро она почувствовала его ладони на своей талии и, млея от удовольствия, провела кончиком языка по его нижней губе. Джеймс глухо застонал, и этот низкий вибрирующий звук дал мощный толчок проснувшемуся у нее желанию – теперь оба были словно в огне; причем Давина, нисколько не стес-

няясь своей страсти, принялась целовать его в шею, а потом – в ямочку за ухом, что ей ужасно нравилось. «Должно быть, я и впрямь влюбилась в Джеймса по уши», – думала девушка. Пристально посмотрев ему в глаза, она как бы признавалась в своей любви. И тотчас же зажмурилась, запрокинув голову. А Джеймс снова впился поцелуем в ее губы. Когда же он наконец отстранился, она взмолилась:

– Джеймс, еще…

Тот тяжело вздохнул – и не внял ее призыву. Немного помолчав, пробормотал:

– Ты заставляешь мое тело петь, а сердце – парить в небесах. Но ты, Давина, истинная леди. Ты леди и по рождению, и по воспитанию, и я должен обращаться с тобой с уважением и почтением, как ты и заслуживаешь.

Галантные слова кавалера не могли потушить бушевавший в ней огонь, но все же охладили ее настолько, что она разжала объятия. А Джеймс, тотчас же воспользовавшись этим, взял ее под руку и медленно повел к роще на дальнем склоне. К тому времени, как они пересекли поляну, Давина успела взять свои желания под контроль, но горький привкус разочарования все-таки остался.

Последние несколько месяцев их взаимные чувства расцветали и наливались соками, словно колосья на полях. И сейчас Давине ужасно хотелось отдать ему всю себя, хотелось принадлежать ему и телом, и душой. Джеймс утверждал, что хотел того же, но почему тогда медлил, почему прояв-

лял нерешительность? Действительно – почему?… При всей ограниченности своего опыта Давина точно знала, что большинство мужчин не раздумывая взяли бы то, что она сейчас предлагала. А вот Джеймс…

Погруженная в невеселые раздумья, Давина не замечала окружавшей их красоты. Джеймс приподнял ветку, и девушка нырнула под нее, глядя под ноги. Здесь, в роще, брала свое начало извилистая речушка, впадавшая в озеро, которое находилось в долине у подножия холма.

Давина покраснела, вспомнив, как однажды утром, примерно месяц назад, увидела Джеймса, купавшегося в этой речке совсем без одежды. Давина наблюдала за ним, спрятавшись за ствол дерева. А он был похож на языческого бога – поджарый и мускулистый, гибкий и ловкий.

Нетрудно догадаться, какая часть его тела вызвала у Давины наибольший интерес. Стесняясь своего неуемного любопытства, Давина так и не решилась обнаружить себя, но то, что она успела разглядеть, стало причиной ее частой бессонницы.

Хрустнула ветка, и этот звук вывел Давину из раздумий. Она виновато посмотрела на своего спутника, словно он мог читать ее мысли.

Между тем Джеймс вел себя… как-то очень странно. Сначала он отошел от нее на почтительное расстояние, потом шагнул к ней и сказал:

– Давина, дай мне свою руку.

Она улыбнулась и протянула ему руку. Крепкие пальцы Джеймса сомкнулись вокруг ее ладони. И тут, глядя ей в глаза, он опустился на одно колено, а затем почтительно склонил голову.

«Господи, неужели?! Наконец-то!» – мысленно воскликнула девушка, и сердце ее гулко забилось.

– Давина Армстронг, – сказал Джеймс, – моя привязанность к тебе переросла в глубокое и сильное чувство. Ты готова сделать меня самым счастливым мужчиной во всей Шотландии и оказать мне величайшую честь, согласившись стать моей женой?

У Давины от счастья голова шла кругом. Горло сдавил спазм, и ей удалось лишь издать звук, похожий на писк.

Джеймс, встревожившись, поднял голову, и взгляды их встретились. И в тот же миг Давину охватила такая несказанная радость, что на глаза навернулись слезы. Она пыталась успокоиться, чтобы лучше запомнить чудесный момент, когда все в ее жизни наполнилось светлыми надеждами.

– Да, Джеймс, я выйду за тебя, – ответила она наконец.

Джеймс тотчас же выпрямился, обнял ее, прижал к себе крепко-крепко и с торжественной серьезностью произнес:

– Но ты мне должна кое-что пообещать. Не будь слишком уж покладистой женой.

– Что?… – Давина смотрела на молодого рыцаря во все глаза. «Может, я что-то не так расслышала?» – промелькнуло у нее.

А Джеймс провел ладонью по волосам и, в смущении улыбнувшись, пояснил:

– Видишь ли, мой брат Малколм однажды посоветовал мне не брать в жены слишком покладистую девицу. Но к тебе это отношения не имеет. Вернее, к нам с тобой.

Давина так ничего и не поняла, но это не помешало ей насладиться моментом. Она блаженно улыбалась, крепко прижимаясь к любимому. Давина знала, что ей несказанно повезло, и сейчас чувствовала себя самой счастливой женщиной на земле. Более того, она уже строила планы на будущее. Интересно, когда можно будет обвенчаться? Хорошо бы побыстрее… Пышное празднество устраивать ни к чему, хотя отец Джеймса, наверное, захочет свадьбу, соответствующую высокому статусу клана Маккена, пусть даже Джеймс и не наследник, а всего лишь второй сын. А вот ее дяде будет жалко сильно тратиться на свадьбу, тем более что его собственная дочь все еще на выданье. И все же этот альянс пойдет на пользу Армстронгам, и не в его интересах представать скупцом перед Маккеной.

– Так, парни, что у нас тут?!

Давина стремительно обернулась на голос, и глаза ее расширились от ужаса – она увидела мужчин, взбиравшихся по склону и направлявшихся к ним с Джеймсом. Их было пятеро, нет, шестеро, причем все крупные и мускулистые, с мечами и кинжалами. Но на них не было пледов, по цвету которых можно было бы определить, к какому клану они при-

надлежали. Одежда же была изношенная и грязная, а в глазах горели алчность и злоба. Прежде ни одного из этих людей Давина не видела.

Быстрым движением Джеймс обнажил меч, заслонив девушку. Давина споткнулась и едва устояла на внезапно ослабевших ногах. До замка было слишком далеко – сколько ни кричи, никто не услышит. И на помощь рассчитывать не приходилось.

– Что вам тут надо?! – крикнул Джеймс.

– Хотим попробовать, сладка ли твоя девчонка, парень, – протянул один из незнакомцев, оскалив гнилые зубы.

– Эта женщина – леди, – процедил в ответ Джеймс. – Моя леди, ясно?

Его ответ развеселил разбойников, и кто-то из них со смехом сказал:

– Парень, а разве мамочка не учила тебя, что надо делиться?

– Нет, не учила. Зато мой отец научил меня защищать то, что мне принадлежит, – заявил Джеймс, принимая боевую стойку.

Давина судорожно сглотнула; от страха пересохло во рту и стало трудно дышать. А сердце забилось часто-часто…

Джеймс же тем временем изучал противников и казался совершенно спокойным. Его уверенность отчасти передалась и Давине. Но стоило ей перевести взгляд со своего защитника на тех, от кого он пытался ее защитить, как ее охва-

тила паника.

Оборванные и грязные, эти разбойники отнюдь не выглядели истощенными и слабыми. Но больше всего ее пугал хищный блеск в глазах каждого из шестерых. Увы, силы были слишком неравны. Давина не сомневалась в том, что Джеймс будет защищать ее-то до последнего вздоха, но ее это все равно не спасет!..

– Тебе с ними не справиться, – прошептала она у него за спиной.

– Я справлюсь. Я смогу. – Голос Джеймса не дрогнул, но Давина понимала, что он обещал невозможное.

– Вы – на земле Армстронга! – громко заявила она. – И если у вас есть какое-то дело к хозяину этой земли, то поезжайте в замок. Если же нет… Лучше бы вам покинуть эти места до того, как вас обнаружат. Мой дядя очень не любит, когда по его земле ходят чужаки.

– Что-то я не вижу тут ни одного воина лэрда Армстронга, детка, – с ухмылкой протянул самый высокий из разбойников. – Мои глаза видят лишь одинокого рыцаря да напуганную девицу, не умеющую держать язык за зубами. – Он громко захохотал, но куда сильнее этого смеха, сильно смахивавшего на лай, девушку напугал блеск вожделения в его глазах.

Стараясь не выдавать своего страха, Давина презрительно фыркнула и бросила в лицо негодяю:

– Вы пожалеете, если не последуете моему совету!

Ее слова были встречены дружным хохотом. Пока разбойники обменивались шутками, Джеймс с душераздирающим воплем бросился на высокого, очевидно на главаря. В следующее мгновение он вспорол ему живот и тотчас же размозжил нос еще одному из разбойников. Закрыв окровавленное лицо ладонями, тот покачнулся и рухнул на землю рядом с главарем. Но их приятели, обнажив мечи, вчетвером пошли на Джеймса. Каким-то чудом ему удавалось отбиваться, и он, улучив момент, повернулся к девушке и крикнул:

– Давина, беги!

И она побежала. Вот только далеко убежать ей не удалось. Один из разбойников догнал ее и повалил на землю. Сильно ударившись при падении, Давина попыталась откатиться в сторону, но разбойник схватил ее за плечо и уложил на спину. Девушка хотела завизжать, но насильник ударил ее по голове кулаком, и она на несколько мгновений лишилась чувств. Воспользовавшись моментом, разбойник навалился на нее. Почти тотчас же очнувшись, Давина пыталась отбиваться руками и ногами, но сбросить насильника не смогла – лишь растратила все силы в неравной борьбе.

А навалившийся на нее разбойник зажал ей рот мясистой ладонью. Дышать стало трудно, и голова закружилась. Давина слышала звон мечей и крики, но, отчаявшись хоть как-то повлиять на ситуацию, она прибегла к последнему средству – к молитве. «Господи, не дай Джеймсу умереть!» – закричала она мысленно.

Каким-то чудом ей удалось повернуть голову, а затем она услышала громкий крик и увидела, как противник Джеймса схватился за руку, в которой держал меч; сквозь пальцы же сочилась кровь. Выкрикнув проклятие, раненый разбойник упал, но его место тотчас же занял другой, судя по всему, лучше всех из нападавших владевший мечом. И он почти сразу же стал теснить Джеймса.

К счастью, Джеймс, отступая, все же держался на ногах, но Давина видела, что он устал и что с каждым взмахом меча сил у него оставалось все меньше. Внезапно разбойник выбил меч из рук Джеймса – и Давина зажмурилась. Она не увидела, как Джеймс отбросил противника ударом ноги и как тот упал навзничь. Увы, воспользоваться преимуществом Джеймс не успел – разбойник мигом вскочил на ноги.

Когда же Давина открыла глаза, то увидела все то же: разбойник с перекошенным от злобы лицом шел с мечом на безоружного Джеймса. Но в тот момент, когда он приблизился к Джеймсу, молодой рыцарь выхватил из голенища кинжал и вонзил его в грудь врага.

Сердце девушки радостно подпрыгнуло в груди. Надежда на спасение есть! Джеймс побеждал! И в тот же миг у нее откуда-то взялись силы сопротивляться навалившемуся на нее разбойнику. Но, увидев занесенный над нею кулак, Давина поняла, что рано обрадовалась. Она попыталась увернуться от удара, но нет – страшная боль, казалось, разорвала голову, и все поплыло у нее перед глазами.

До того, как провалиться в беспамятство, Давина успела услышать отчаянный крик Джеймса, встреченный грубым хохотом.

Джеймс вздрогнул – и очнулся. Попытался приподнять голову – и застонал от жуткой боли. В кромешной мгле он ничего не мог разглядеть и, обессилев, вновь закрыл глаза. «Дыши глубоко», – приказал он себе.

Вскоре туман в голове рассеялся, но на смену туману снова пришла боль – острая, невыносимая боль во всем теле. Болело все – от макушки до пяток. Обливаясь потом и дрожа от слабости, Джеймс приподнялся, но тут же вновь упал на постель. «Господи, что со мной?» – подумал он.

Было очень трудно открывать глаза, но Джеймс все же заставил себя это сделать. Затем, приподняв одеяло, в недоумении заморгал, увидев, что его рука, грудь, живот и ноги были забинтованы, а сквозь бинты проступала кровь. «Но что же случилось?…» – спрашивал он себя.

А затем – пусть урывками – память начала к нему возвращаться.

– Давина… – прошептал он со стоном.

Джеймс попытался подняться. Кровать заскрипела, и от этого скрипа голову пронзила резкая боль. Прислонившись спиной к изголовью кровати, Джеймс сделал глубокий вдох, стараясь унять боль и привести в порядок разрозненные воспоминания. Да-да, теперь он точно помнил: встретились в их

секретном месте, на вершине холма. И Давина, как всегда, искренне радовалась встрече: смеялась, заигрывала с ним, дразнила его и страстно целовала. А он страшно волновался, делая ей предложение. Когда же она ответила согласием, он был на седьмом небе от счастья.

Но затем… Затем на них напали разбойники! Он дрался отчаянно, он даже убил двоих или троих, но их было слишком много. Джеймс вспомнил, как вонзил в грудь противника кинжал, – а вот что было потом? Ох, этого он не помнил.

Но что стало с Давиной? Спаслась ли она? Или ее похитили? А может, убили?

Превозмогая чудовищную боль, Джеймс громко позвал Давину по имени. И тут же дверь спальни распахнулась, и в дверном проеме возник силуэт грузного мужчины.

– Вы очнулись? – спросил он.

– Да, уже… – прохрипел Джеймс.

– Тогда я приведу лэрда, – сказал мужчина и тотчас ушел – Джеймс так и не успел ни о чем его расспросить.

Собственная беспомощность ужасно раздражала, но Джеймс приказал себе сохранять спокойствие. Наконец в спальню вошел лэрд Армстронг, а с ним – двое мужчин, в одном из которых Джеймс узнал начальника караула (второй был ему незнаком).

– Вижу, ты решил вернуться в мир живых, – произнес Армстронг, хмуро глядя на раненого.

– Где Давина? – спросил Джеймс.

– Прикована к постели. – Лэрд Армстронг был мрачнее тучи. – Она опозорена и избита. Ее мучают кошмары, и она кричит по ночам. Мои люди нашли вас обоих в нескольких милях от замка. Нашли в беспамятстве и истекающих кровью. Что произошло?

«Давина жива!» – мысленно воскликнул Джеймс, и сердце его переполнилось радостью. Но радость мгновенно сменилась печалью. Давина жива, но искалечена?…

– На нас напали, – со вздохом ответил молодой рыцарь.

– Кто именно?

– Разбойники. Негодяи.

– Но мои люди никого не видели. А в деревне никто не ограблен. И урожай не тронут… – Лэрд Армстронг криво усмехнулся. – Что ты нам можешь о них рассказать?

Джеймс тяжело вздохнул и едва не потерял сознание от боли в груди.

– Их было шестеро, но пледов на них не было. И щитов с гербом клана – тоже. Они появились внезапно.

– Могу лишь догадываться о том, чем вы занимались в том безлюдном месте с моей племянницей, если вас застали врасплох, – с мрачной ухмылкой заметил вождь.

Джеймс со вздохом стиснул зубы. Немного помолчав, заявил:

– Поверьте, сэр, я люблю Давину, поэтому никогда не сделал бы ничего такого, что могло бы бросить тень на ее честь и добродетель.

Лэрд Армстронг недоверчиво хмыкнул, потом спросил:

– Шесть человек приблизились к вам, а ты ничего не услышал? Я думал, Маккена лучше тренирует своих воинов.

«Да так и есть. Я подвел отца – посрамил честь своего клана», – подумал Джеймс и, опустив голову, пробормотал:

– Они были пешими. И подобрались неслышно.

Глаза вождя вспыхнули гневом, и он проговорил:

– Много лет мы не знали хлопот от разбойников в наших краях, а теперь… Что же случилось теперь?

– Разбойники не смели к нам соваться, пока был жив король Брюс, – вторил вождю начальник караула.

«Идите вы к черту со своей политикой!» – хотелось крикнуть Джеймсу. Для себя же он решил, что во что бы то ни стало найдет негодяев и накажет их за то, что они сделали с Давиной.

– Должно быть, на них напали англичане, – предположил второй спутник лэрда.

– Нет, то были шотландцы. Я могу судить по их мечам. Они дрались клейморами. – От волнения у Джеймса сдавило горло. – Я убил двоих и еще двоих ранил. А потом… – Он в растерянности пожал плечами.

– Мы не нашли тел, – сообщил начальник караула.

Джеймс снова вздохнул: спорить было бесполезно.

– Должно быть, они забрали погибших и раненых с собой, – сказал он, немного подумав.

– Двое забрали четверых? – недоверчиво переспросил

Армстронг.

Джеймс пожал плечами. Никаких разумных объяснений случившемуся он дать не мог.

– А что Давина вам рассказала?

Армстронг еще больше помрачнел.

– Она не может об этом говорить. Начинает рыдать – и ее не остановить…

Джеймс выругался и проворчал:

– Последнее, что я помню, – это страшная боль в голове.

Начальник караула утвердительно кивнул.

– Да, верно. У вас на затылке здоровенная шишка. Должно быть, вас ударили сзади.

Джеймс дотронулся до шишки за правым ухом и чуть не ослеп от боли. Опустив голову, он боролся с подступившей тошнотой. А Армстронг и его приближенные тем временем о чем-то переговаривались, нарочно понижая голос, чтобы он, Джеймс, их не услышал. Было ясно: его рассказ не казался им убедительным. Его подозревали? Но в чем? Впрочем, неважно. Он не являлся членом их клана, а чужих нигде не любят, пусть даже он был сыном лэрда Маккены, одного из самых сильных и уважаемых вождей.

«Но что же с Давиной?» – снова и снова спрашивал себя Джеймс. Он должен был ее увидеть, но едва ли смог бы встать с постели без посторонней помощи. Признаваться же в своей слабости ему не позволяла гордость.

А стоявшие перед ним трое мужчин продолжали тихо пе-

реговариваться, то и дело поглядывая в его сторону. Джеймс не мог не чувствовать нарастающей напряженности, но в какой-то момент он вдруг понял: ему нет дела до того, как к нему здесь относятся! И в тот же миг веки стали наливаться тяжестью, и все труднее было держать глаза открытыми – он чувствовал, что проваливается в небытие. Словно сквозь сон он еще слышал обращенные к нему слова, но уже не понимал, что ему говорили, и ответить не мог.

Боль накатывала волнами, но ни на мгновение не отступала полностью. Однако же страшнее боли были кошмарные картины, вспыхивавшие перед глазами с неумолимым постоянством; он видел Давину, и она кричала, звала на помощь, отбиваясь от насильников, но он не мог ей помочь.

А еще через некоторое время Джеймс провалился в темноту.

Глава 3

Когда Джеймс очнулся, вокруг по-прежнему было темно, хоть глаза выколи. Лишенный ориентиров в чернильной мгле, окутавшей сознание, он усилием воли попытался вызвать к жизни хоть какое-то воспоминание. И вновь вспомнилась битва на вершине холма. И вновь он испытал гнев, а вместе с гневом и жгучий стыд.

Давина! Он должен увидеть ее. Должен во что бы то ни стало!

Глухо застонав, Джеймс оторвал голову от подушки и, испытывая ужасную боль, все же сел в постели.

Подождав, когда восстановятся силы, Джеймс предпринял следующий шаг – потянулся за туникой, лежавшей на приступке к кровати. Только с четвертой попытки ему удалось продеть голову в прорезь, и еще столько же времени ушло на то, чтобы просунуть левую – здоровую – руку в рукав.

А потом вновь пришлось отдыхать, восстанавливать силы. Когда же Джеймс попытался встать, его качнуло, и он, чувствуя, что падает, выставил перед собой левую руку. К счастью, он упал не на пол, а на кровать лицом вниз. И довольно долго так лежал, закрыв глаза. Однако от своих планов отказываться не собирался.

Чувствуя, что снова проваливается во тьму, Джеймс уда-

рил кулаком по изголовью – гнев делал его сильнее. В конце концов он заставил себя подняться и кое-как натянул на перебинтованные ноги штаны. Обувшись, пошарил руками в темноте. Нашел кинжал и сунул его за голенище сапога.

Пошатываясь, Джеймс пошел по темному пустынному коридору. Судя по всему, была глубокая ночь. И вероятно, все в замке спали.

В первую же неделю своего пребывания у Армстронгов Джеймс узнал, где находилась спальня Давины. Поскольку отдельных спален в замке было совсем немного, отыскать комнату Давины труда не составило – даже в его прискорбном состоянии. Джеймса неприятно удивило то, что у ее дверей не было охраны, но, с другой стороны, если бы ее спальня охранялась, его могли бы к ней и не пустить.

Джеймс повернул ручку и толкнул дверь, насколько позволили силы. Дверь со скрипом отворилась. Спальня тонула во мраке – лишь одна свеча горела на столе. Джеймс переступил порог и, хромая, побрел к кровати, находившейся у дальней стены. Возле кровати сидела пожилая горничная. Услышав шаги, она обернулась и, увидев молодого человека, вскочила со стула. Через несколько секунд пробормотала:

– О, пресвятые угодники… Вы меня насмерть перепугали, сэр. В такое время я никого не ждала.

– Прошу прощения. Я пришел повидать Давину, – проговорил Джеймс.

– Она спит, бедная овечка.

– Не бойтесь, я не стану ее будить. – Не дожидаясь приглашения, Джеймс осторожно приблизился к спящей Давине. Но при скупом освещении он смог разглядеть лишь очертания ее тела, проступавшие под одеялом. – Принесите свечу, – сказал он горничной.

Женщина замерла в нерешительности. Молодой рыцарь грозно нахмурился, и горничная молча исполнила его приказание.

Когда Джеймс увидел свою любимую, то едва не пожалел о том, что заставил горничную принести свечу. Сердце его болезненно сжалось, а душа переполнилась гневом. Что они с ней сделали?!

Давина лежала на спине, вытянув вялые – словно неживые – руки вдоль тела. Одеяло укрывало ее до пояса. Лицо же, пепельно-серое, было покрыто синяками и ссадинами и безобразно распухло с одной стороны. А на шее виднелся лиловый кровоподтек с воспаленными красными кромками – очевидно, ее пытались задушить.

Слава богу, что не задушили.

– Она едва дышит. Почему? – просипел Джеймс.

– Это все из-за лекарства. Ей дают настойку, чтобы она крепче спала. Она даже осмотреть себя не дает, кричит и плачет.

– Она… Ее… – Джеймс так и не смог задать этот вопрос.

– Подверглась ли она насилию? – Горничная сочувственно покачала головой. – Похоже, что так. Хотя повитуха не

смогла ее осмотреть. Стоило повитухе к ней прикоснуться, как она начинала биться в истерике.

– Милостивый боже… – прошептал Джеймс. Он думал, что больнее быть уже не могло, но, выходит, ошибался.

Осторожно присев на край кровати, он взял Давину за руку. Рука ее была холодна как лед. Ногти же были обломаны, и под ними местами виднелась засохшая кровь – она отчаянно боролась за свою жизнь!

А в том, что случилось с ней, Джеймс винил только себя. Он должен был ее защитить, уберечь. Ему нет и не будет прощения. При этой мысли холод отчаяния заполнил его сердце.

И тут Давина, сжав кулаки и вскрикнув, открыла глаза. А затем с ее потрескавшихся разбитых губ сорвался мучительный стон.

– Тише, тише, – прошептал Джеймс, чувствуя ее боль как свою. – Успокойся, любовь моя.

Внезапно Давина посмотрела на него, и зрачки ее расширились словно от ужаса. В следующее мгновение Джеймс понял, что она его узнала. Ее начало мелко трясти и с каждой секундой колотило все сильнее. А потом она начала всхлипывать и подвывать, как раненое животное. Джеймс хотел ее обнять, успокоить, отогнать ее страх, но она загородилась от него рукой, и, заглянув в ее глаза, он увидел в них только страх и боль. «Все кончено. Она никогда не сможет меня простить», – подумал он в отчаянии.

Тут горничная подошла к кровати и бесцеремонно заяви-

ла:

– Вам бы лучше уйти. Вы ее пугаете.

Проклятие, он и сам это видел! И оттого чувствовал себя ничем не лучше тех, кто над ней надругался.

– Я завтра вернусь, – сказал Джеймс, уходя. – Может, завтра она придет в себя и не будет бояться меня.

Горничная с сомнением покачала головой. Ей мало верилось в то, что Давина снова станет прежней. Но Джеймс не собирался сдаваться.

Прихрамывая, он побрел обратно в свою спальню. Без сил упав на кровать, почти сразу же уснул. Проснулся же, когда утро было уже в разгаре – серое, хмурое и безрадостное. И настроение у него было под стать – им владело мрачное предчувствие беды; ему было плохо, но он знал, что будет еще хуже.

На этот раз на пути к спальне Давины – долгом и мучительном – ему повстречалось немало народу, но никто не остановился, чтобы с ним поговорить. И никто даже не поздоровался с ним. Пряча глаза, все встречные старались поскорее прошмыгнуть мимо.

Когда же он добрел наконец до спальни любимой, горничная сообщила ему, что Давина не желает его видеть. Не имея сил спорить с решительно настроенной горничной, Джеймс поплелся обратно. Но упрямо вернулся на следующий день. И снова получил отказ – Давина хотела, чтобы ее оставили в покое. Поэтому Джеймс решил, что должен уважать ее волю.

Он вернулся к себе в спальню и лег на кровать. А потом ел то, что ему приносили. И терпел боль, когда лекарь менял ему повязки. А так же безропотно пил горькие лечебные настойки.

И никто к нему не приходил – только слуги, приносившие еду, и лекарь, врачевавший его раны. В нарушение предписанного ему постельного режима Джеймс время от времени вставал и осторожно ходил по комнате, чтобы вернуть силу мышцам. Он делал все, чтобы ускорить выздоровление. Он был вежлив и покладист со всеми, кого видел. Но внутри у него все кипело.

И еще – каждое утро и каждый вечер Джеймс совершал долгий и мучительный переход к спальне Давины. И каждый раз горничная передавала ему одно и то же: Давина просила, чтобы ее оставили в покое. Но на восьмой день вместо горничной его встретила Джоан – кузина Давины.

– Доброе утро, леди Джоан, – произнес Джеймс с вежливым поклоном. И вдруг забыл, зачем пришел. Джоан была ослепительно красивой – с выразительными васильковыми глазами, роскошной косой цвета спелой пшеницы и удивительно изящными чертами лица.

И все же он знал, что внешняя красота не заменит красоты внутренней.

– Доброе утро, сэр Джеймс, – ответила красавица. – Вижу, что ваши раны заживают. Будем надеяться, что в скором времени вы окончательно поправитесь.

Джеймс сжал в кулак и разжал пальцы правой руки. Тело его и впрямь шло на поправку, но душа не будет знать покоя, пока он не поговорит с Давиной. И Джоан стояла у него на пути.

Не особенно переживая из-за того, что ведет себя грубо, он попытался протиснуться мимо нее, но Джоан остановила его, положив руку ему на плечо.

– Давина попросила меня поговорить с вами, – сказала красавица. – Она желает покоя и умоляет вас оставить попытки увидеться с ней. Вы лишь расстраиваете ее своими приходами.

Злорадство Джоан было слишком явным, чтобы не вызвать подозрений, и потому Джеймс пробурчал:

– Я не верю, что Давина могла сказать такое.

– Правда существует независимо от того, верят в нее или нет, – снисходительно усмехнувшись, ответила Джоан.

– Я приму ее решение и поступлю согласно ее воле лишь тогда, когда Давина сама попросит меня отступиться. А до тех пор я не оставлю попыток увидеться с нею!

– Сэр, как грубо! Впрочем, чего еще можно ждать от такого, как вы? – Джоан окинула его презрительным взглядом.

Джеймс с трудом сдерживал гнев.

– Не вам упрекать меня, леди Джоан. Я достаточно долго пробыл здесь, чтобы понять, какая вы на самом деле. Вы завидуете Давине. Завидуете, потому что она любима, а вы – нет. И вы ни перед чем не остановитесь, чтобы нас разлучить.

– Это ложь, – прошипела Джоан. – Я никогда не стала бы ревновать Давину к ее первому девичьему увлечению, потому что вы не в моем вкусе. Моего отца осаждают мужчины, желающие взять меня в жены. И эти мужчины – не вам чета. Среди них славные воины, вожди богатых кланов, благородные рыцари. А кто вы такой? Вы даже не наследник!

Джеймс решил, что с него хватит разговоров. Стиснув зубы, он сбросил руку Джоан со своего плеча, распахнул дверь и вошел в спальню Давины. Она была одна. И сидела в кровати, откинувшись на подушки. Увидев его, поджала губы и натянула одеяло до самого подбородка. Костяшки пальцев, сжимавших одеяло, побелели от напряжения.

С тяжелым сердцем Джеймс признался, что Давина действительно его боялась. И все же он подошел к ней поближе.

– Разве вам не передали мои слова? – спросила Давина, съежившись под одеялом.

– Джоан сказала, что ты не хочешь меня видеть, но я знаю, что ей верить нельзя. – Джеймс подошел поближе к кровати; он должен был видеть ее лицо. Глаза ее все еще были припухшими, лицо сохраняло нездоровую бледность, но царапины зажили, а синяки побледнели. – Ты моя невеста, Давина.

– О, Джеймс… – простонала девушка, прикрыв ладонью рот. – Джеймс, я этого и боялась. Боялась, что благородство не позволит тебе отказаться от предложения руки и сердца, но я освобождаю тебя от взятых на себя обязательств.

– Нет! – воскликнул Джеймс, прикоснувшись к ее щеке. –

Нет, Давина, мы должны пожениться. И не обязательно торопиться со свадьбой. Нам обоим надо залечить раны.

Стараясь не встречаться с ним взглядом, девушка проговорила:

– Я знаю, что со временем тело мое заживет, но страх навсегда останется во мне. Я не могу обрекать тебя на жизнь с женой-калекой.

Джеймс решительно покачал головой.

– Нет-нет, я так не думаю!

– А я думаю! – воскликнула Давина. Казалось, она вложила в этот крик последние силы – и сразу как-то обмякла. По щеке ее скатилась слезинка. – Зачем ты терзаешь меня, заставляя мечтать о том, чему никогда не суждено сбыться? Я никогда не смогу стать твоей женой, Джеймс. Я никогда не смогу выйти замуж. Ни за тебя, ни за кого другого.

– Я люблю тебя, Давина. – Он накрыл ее руку своей, но она тут же отстранилась. – Поверь, вместе мы справимся. И все будет по-прежнему, – тихо добавил Джеймс.

– Нет, не будет. Воспоминания никогда меня не покинут, – с дрожью в голосе проговорила девушка.

– Давина, со временем все забудется, если только…

– Господи, да ты меня слышишь? Забудь обо мне. Так будет лучше для нас обоих.

– Не может быть, чтобы твои слова шли от сердца, Давина.

– Я говорю то, что думаю, – заявила она. – В глазах ее он увидел тоску и стыд, и сердце его, будто разбилось на тысячи

мелких осколков.

– Любимая, тебе нужно время… Через несколько недель ты будешь думать по-другому.

– Нет. Время только добавляет подробностей в те воспоминания и делает их еще более яркими… и невыносимыми. Именно поэтому я уговорила травницу давать мне каждый вечер сонную настойку. Только так я могу хоть ненадолго забыться. Джеймс, прошу тебя, – со стоном взмолилась Давина, – как только поправишься, уезжай отсюда. Возвращайся домой и забудь обо мне.

– Нет, никогда! – решительно заявил он.

Глядя прямо ему в глаза, Давина сказала:

– Если ты меня действительно любил, то поступишь так, как я тебя прошу. Уезжай и никогда не возвращайся.

Джеймс был оглушен этими словами. Оглушен и раздавлен. Закипавшая в нем ярость овладела телом, словно лихорадка, и он, одержимый желанием что-нибудь разбить, уже поднял руку, но внезапный крик Давины заставил его замереть. С трудом справившись с собой, Джеймс со вздохом опустил руку. И в спальне воцарилось молчание.

Давина же отвернулась, затем уткнулась лицом в подушку. Джеймс слышал ее тихие всхлипывания, и сердце его обливалось кровью. Через секунду-другую, мрачно насупившись, он вышел из спальни. К счастью, коридор был пуст.

Никогда еще Джеймс не чувствовал себя настолько одиноким. Он остановился возле двери, собираясь с духом. «Как

же найти в себе силы?» – думал он. Действительно, как исполнить то, что потребовала от него Давина?

Джеймс всегда жил с сознанием того, что за свою мечту надо бороться, и он научился бороться и побеждать. В этой борьбе была его сущность. До сих пор судьба вела его от победы к победе, от вершины к вершине. Но сейчас оказалось, что он был повержен.

В душевном надломе любимой Джеймс видел лишь свою вину. Ведь он обещал ее защитить – и не сдержал слово. И он не мог осуждать ее за то, что она его разлюбила, хотя и знал, что его сердце навеки принадлежит только ей, пусть даже его сердце ей больше ни к чему…

Уснуть Джеймс так и не смог, но оставался в постели весь оставшийся день и всю ночь. Встал же с рассветом. Он тотчас оделся и собрал свои вещи. Гордость не позволила ему улизнуть незаметно, словно вор, и потому он дождался момента, когда все обитатели замка собрались в главном зале на завтрак.

Джеймс вежливо попрощался с лэрдом и леди Армстронг. Леди Армстронг не очень настойчиво предложила ему остаться до тех пор, пока он окончательно не выздоровеет, но Джеймс, поблагодарив ее, отказался – как до этого отказался от предложенного лэрдом Армстронгом эскорта.

Джеймс сам оседлал коня и, сунув кинжал за голенище, взобрался в седло. От пронзившей его острой боли в ногах и в руке он едва не упал.

На лбу и верхней губе выступила испарина, но Джеймс не подавал виду, что ему больно. С высоко поднятой головой он выехал за ворота замка, проехал мост через ров и миновал деревню.

И, каким бы сильным ни было искушение, он ни разу не оглянулся.

Разбойник прибыл в условленное место задолго до назначенного времени. Спасаясь от пронизывающего ветра, он опустил голову, полагаясь не на зрение, а на слух. Он осторожно слез с коня и, придерживая рукоять меча разбитой рукой, шагнул с тропики в гущу леса. Начался мелкий дождик, но на деревьях было еще достаточно листвы, чтобы укрыться от непогоды.

Ежась от сырости, продрогший до костей, разбойник терпеливо ждал. Услышав хруст ветки, он стремительно обернулся, но никого не увидел.

Внезапно раздался раскат грома, и в тот же миг прямо над головой ударила молния, осветив лес белым светом. Завыл ветер, плеснув дождем ему в лицо, заросшее неопрятной бородой.

Стайка птиц испуганно вспорхнула в небо. Вновь прогремел гром, и вновь молния разорвала тьму. Разбойник в ужасе закричал, увидев всего в десяти шагах от себя неподвижную, закутанную в плащ фигуру.

– Я не слышал, как вы подошли, – произнес он, словно

оправдываясь перед зловещим призраком.

– Так и было задумано, – ответила фигура в плаще. – Где Драммонд?

– Мертв. Его раны загноились. К счастью, он успел рассказать мне, где я должен с вами встретиться. – Разбойник шмыгнул носом и утерся рукавом. – Вы принесли оплату?

– Да.

Разбойник поймал брошенный ему кожаный мешочек. Нахмурившись, взвесил его на ладони и пробормотал:

– Что-то слишком легкий…

– На эту цену мы и договаривались.

– Но задача оказалась сложнее. За наши раны и смерть приятелей надо бы заплатить побольше.

– Скажи спасибо, что получил хоть это. Никто не требовал от Драммонда такой жестокости. Все, что от вас требовалось, – это заставить сэра Джеймса порвать с ней.

– Мы выполнили заказ. Я видел, как Маккена уезжал из замка два дня назад.

– Да, но твоей заслуги в том нет. Да, кстати… Приказа его убивать вам никто не давал. А ведь он мог бы и не выжить…

– Откуда нам было знать, что он будет биться насмерть?! Драммонд сказал нам, что напугать их не составит труда. А этот Маккена дрался как одержимый! Убил двоих наших. Драммонд уже скончался от ран. И еще неизвестно, выживет ли Эдвард.

– Тогда у тебя нет повода для жалоб. С покойниками не

придется делиться деньгами.

Разбойник не нашел в этой изуверской логике никакого изъяна, но все равно решил, что надо вытянуть из заказчика еще больше денег. Он уже раскрыл рот, чтобы продолжить торг, но тут снова грянул гром. Молния же ударила в соседнее дерево, и, несмотря на дождь, крона зашипела и занялась огнем.

Разбойник словно завороженный смотрел, как густой туман клубами поднимался от земли, смешиваясь с дымом пожара. Охваченный безотчетным страхом – словно только что заглянул в ад, куда, скорее всего, и попадет, – он перекрестился. Когда же вновь повернулся к собеседнику, того и след простыл; возможно, он провалился сквозь землю, вернувшись туда, откуда и явился. Явился же он, скорее всего, из ада.

Еще раз перекрестившись, разбойник, прихрамывая, поплелся к своему коню.

Глава 4

Пять лет спустя

Сидя возле узкого окна-бойницы в своей спальне, устроенной в одной из башен, Давина смотрела вдаль. Листья облетели, пожухла трава. Урожай лежал в закромах, и земля приготовилась к долгому зимнему сну. Дни становились все короче, а ночи – длиннее. И чем длиннее ночь, тем больше времени на раздумья. Только вот зачем ей столько времени?

Как так получается, что часы и минуты тянутся нескончаемо долго, а годы летят с какой-то противоестественной быстротой? Темнеющий горизонт подернулся дымкой, и Давина поняла, что это слезы застилали ей глаза. Вновь ее одолевала тоска, вновь она горевала о своей загубленной жизни – о том, что потеряла навсегда, едва успев обрести.

«Джеймс, где ты?!» – мысленно взывала она.

Но Давина знала, что Джеймса в Шотландии не было. Он стал крестоносцем и бился с неверными где-то очень далеко, на Святой земле. Впрочем, для нее ничего бы не изменилось, даже если бы Джеймс жил в нескольких милях от нее, ибо разделяло их не одно лишь расстояние.

Но Джеймс не исчез из ее жизни навсегда. Он жил в ее снах. Он приходил к ней во сне – словно для того, чтобы в очередной раз напомнить о разбитых надеждах на счастье, о

том, что им не суждено быть вместе и что не будет у них общего дома, в котором не умолкает детский смех. Один только раз в жизни ей пришлось столкнуться с насилием и жестокостью – и эта встреча стала для нее роковой.

Давина презирала себя за слабость. И ужасно злилась на себя. Отвернувшись от окна, она тяжко вздохнула и утерла слезы. Потребность спрятаться от мира, уйти в себя никуда не делась, но она, как могла, старалась превозмочь этот свой недуг. Иногда ей это удавалось, но чаще – нет. Конечно, она не сидела сутками взаперти и вполне сносно чувствовала себя в обществе родственников, слуг и даже двух пожилых воинов, сидевших за ближайшим столом во время трапез в главном зале.

Зная, как трудно Давине общаться с незнакомцами, родственники поощряли ее затворничество. Они поступали так из добрых побуждений, ведь гораздо проще устранить причину недуга, чем бороться с самим недугом. И первое время после злополучного нападения затворничество действительно было целительным для ее рассудка. Но со временем Давина начала осознавать, что страдала от отсутствия общения, а выбраться из этого кокона одиночества ей мешала прежде всего собственная трусость.

«Я не должна сдаваться», – мысленно повторяла она и ругала себя за малодушие, но от этого ей не становилось лучше. Увы, в жизни ее было слишком мало радости и света, и воля к жизни становилась все слабее…

Предзакатное солнце вышло из-за туч, осветив напоследок спальню Давины, и на душе у нее, как и в комнате, сделалось чуть светлее. «Выход найдется!» – внезапно подумала она. И еще она поняла, что если ей не дано изменить прошлое, то уж будущее она сумеет изменить, если, конечно, твердо решит это сделать.

Выздоравливать, если можно так сказать, Давина начала три года назад, когда получила письмо от леди Айлен Маккены, матери Джеймса. В своем письме леди Айлен справлялась о ее здоровье и писала, что молится за нее. Как ни странно, письмо незнакомой женщины так благотворно повлияло на душевное состояние Давины, что ей захотелось написать ответ, что она и сделала.

Из второго письма леди Айлен Давина узнала о том, что Джеймс Маккена, вступив в отряд сэра Дугласа, отправился в Крестовый поход. В завершение письма леди Айлен приглашала Давину погостить в замке Маккены. Разумеется, Давина ответила вежливым отказом.

К счастью, леди Айлен не обиделась и продолжила ей писать. А Давина продолжила отвечать. Леди Айлен настойчиво приглашала Давину в гости, хотя и не в каждом письме. И вот несколько недель назад, отвечая на очередное послание матери Джеймса, Давина почему-то осмелела настолько, что приняла приглашение леди Айлен провести Рождество в замке Маккены. Но что именно подвигло ее на такое решение? Храбрость или отчаяние? На этот вопрос она не могла

бы ответить.

Какое-то время Давина привыкала к мысли о том, что вскоре отправится в гости к матери Джеймса. И своими планами она ни с кем не делилась. Но неделя проходила за неделей, и в какой-то момент ей стало ясно: оттягивать разговор с дядей и тетей больше нельзя.

Подготовив себя к предстоящему испытанию, Давина отправилась на поиски лэрда Армстронга и его супруги. Первым делом она решила заглянуть в главный зал. Лэрда Армстронга и его жену она увидела сразу же. Стоя возле жарко натопленного камина, хозяин замка договаривался о чем-то с местными торговцами. Леди Армстронг, хоть и не принимала участия в разговоре, находилась рядом с мужем.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Давина, присев на скамью у стены, дождалась окончания переговоров. Торговцы ушли, и тогда Давина решилась подойти к хозяину замка и его супруге. Набравшись храбрости, она выпалила им все одним духом и стала ждать ответа. Девушка предполагала, что новость станет для родственников потрясением, и она не ошиблась.

– И куда же ты собралась ехать? – переспросил дядя.

– В замок Маккены. На Рождество. Леди Айлен пригласила меня. Вы ведь не возражаете?

Ответом ей была гробовая тишина – только поленья потрескивали в гигантском жерле камина.

– Ничего глупее ты не могла придумать! – воскликнула

наконец тетя Изобел. – Ты пять лет не покидала этих стен. Ты знаешь, как долго тебе придется ехать? И даже если ты каким-то чудом сможешь добраться до замка Маккены, как ты будешь чувствовать себя в незнакомом месте среди чужих людей? Тебя ведь даже здесь, в родных стенах, одолевают мрачные мысли и страхи…

– Как раз для того, чтобы помочь мне развеять мрачные мысли, леди Айлен и предложила мне погостить у них во время рождественских праздников. Она обещала, что будет весело.

– А ты сообщила леди Айлен о своем недуге? – осведомилась тетушка.

Давина почувствовала, что краснеет от стыда.

– Я не писала ни о чем конкретном – лишь о том, что временами страдаю от меланхолии. А леди Айлен призналась, что и ей знакомо это состояние. И она подумала, что мы могли бы поддержать друг друга. – По правде говоря, Давина лишь раз-другой коснулась этой темы в своих письмах, но леди Айлен хватило и намека, и она сразу предложила свою помощь и поддержку.

– А как же ее сын?… – спросила леди Изобел вкрадчивым шепотом. – Джеймс Маккена тоже будет праздновать Рождество в семейном замке?

Неподдельная тревога в глазах тети вызвала в памяти то далекое, но памятное утро, когда Джеймс навсегда уехал из замка. А накануне его отъезда Давина рыдала на плече у те-

тушки.

– Говорят, что сэр Джеймс желает жениться на тебе, – сказала ей тогда тетя. – Дядя Фергус поговорит с ним, если ты согласна стать его женой.

– Я не могу, – всхлипывая, ответила тогда Давина.

Тетя сочувственно прищелкнула языком, но молчать не стала и решительно заявила:

– Обстоятельства принуждают меня говорить начистоту, Давина. Может, тебе и не выпадет другого шанса выйти замуж. Ведь после того, что случилось… Едва ли кто еще захочет взять тебя в жены.

– Не имеет значения, – всхлипывая ответила Давина. – Потому что теперь… Теперь сама мысль о близости с мужчиной внушает мне отвращение. Даже с мужчиной, которого я люблю.

– Ладно, хватит плакать, – сказала тетушка. – Все глаза выплачешь…

Давина заплакала еще горше, а леди Изобел, поглаживая ее по волосам, проговорила:

– Не бойся, мы не станем насильно выдавать тебя замуж. Никто не желает тебе зла. Ты и так натерпелась, бедняжка.

И родственники действительно не принуждали ее ни к чему такому, что могло бы внести смятение в ее душу. Напротив, ее всячески оберегали от волнений и тревог. Тетя держала слово. Но, согласившись покинуть свое добровольное заточение, Давина как будто намекала родственникам, что

они напрасно так старались уберечь ее от сношений с внешним миром. Поэтому сейчас она чувствовала себя виноватой перед ними. Словно поступая в соответствии со своим желанием, она проявляла неблагодарность к тем, кто все эти годы окружал ее вниманием и заботой.

– Как раз этим утром мы получили известие от Джоан, – сообщил дядя Фергус. – Она вместе с мужем и ребенком едет сюда на праздник. Ну, что скажешь?…

Давина молча пожала плечами. Вот уже четыре года Джоан была замужем за лэрдом Фрейзером, но замужество нисколько не изменило ее привычек. Приезжая погостить к родителям, Джоан никогда не упускала случая чем-нибудь больно уколоть кузину. Лэрд Армстронг даже и не догадывался, что своим известием лишь укрепил племянницу в ее решении покинуть замок. Ей ужасно не хотелось встречаться с двоюродной сестрой.

– Я не смогу дать тебе в сопровождение больше трех воинов, – пробормотал Фергус.

– Да опомнись же! Куда ты ее отправляешь?! – всплеснув руками, воскликнула тетя. – До замка Маккены – несколько дней пути. А леса кишат разбойниками! Чтобы от них защититься, нужно по крайней мере десяток отборных бойцов. Но где же их взять?!

– Вот и я об этом… – согласился с женой Фергус. – Не нужно тебе туда ехать. Останешься здесь, со своей семьей, под надежной защитой. И тебе будет спокойнее, и всем нам.

Давина судорожно сглотнула, зная, что от нее совсем не ждали того, что она сейчас собиралась сказать.

– Леди Айлен пошлет свой эскорт, – сообщила девушка.

– Что?… – Леди Изобел уставилась на нее во все глаза.

– А сколько человек? – спросил дядя Фергус.

– Это неважно! – тут же вмешалась тетя. – Горничную она тебе тоже пришлет? У меня лишней прислуги нет! А путешествовать молодой незамужней женщине одной, без компаньонки, я позволить не могу!

Давина не знала, что на это ответить. Беспомощно всплеснув руками, она потупилась. А родственники, почувствовав, что она готова сдаться, принялись перечислять все те ужасы, что поджидали ее по дороге к замку Маккены. И чем больше они говорили, тем больше смятения сеяли в ее душе. Кусая губы, Давина спрашивала себя, не напрасно ли она приняла приглашение. Может, правы были ее тетя и дядя? Может, ей стоило забыть о столь рискованном путешествии? И теперь то, что совсем недавно казалось выходом из тупика, способом освободиться от страха, представлялось вздорным капризом незрелого ума.

Почувствовав, что вот-вот начнет задыхаться, досадуя на себя за то, что не может справиться со своим страхом, Давина уже раскрыла рот, чтобы сказать дяде и тете, что она готова отказаться от поездки в замок Маккены. Но как раз в этот момент в главный зал влетел самый юный из воинов Армстронга и, задыхаясь от волнения, выпалил:

– К замку приближаются всадники! Ангус велел мне передать вам, что он увидел их с парапета.

– А флаги он разглядел? – с тревогой в голосе спросил дяде Фергус.

– Да. На их знамени – герб Маккены.

– Что за черт?… – Фергус провел ладонью по подбородку. – Как это они успели так быстро собраться?…

И все тотчас же уставились на Давину. Сердце девушки трепетало, как пойманная в силки птица, но она справилась с волнением и даже вымучила улыбку. Очевидно, отказываться от поездки было уже поздно. Потому что эскорт Маккены прибыл!

Заезжая в ворота замка Армстронга, сэр Малколм Маккена мог думать лишь об одном – о своей несчастной заднице, много часов не покидавшей седла. Чтобы сократить время пути, Малколм и сопровождавшие его воины скакали весь день и даже часть ночи, и потому все они ужасно устали. К тому же зима, как известно, – не лучшее время для дальних поездок. Холод и сырость здоровья всаднику и его коню не прибавляют.

Цель этого путешествия представлялась Малколму по меньшей мере странной, но не выполнить просьбу матери он не мог.

Проворно спешившись, Малколм бросил поводья оказавшемуся поблизости слуге Армстронгов и потянулся, чтобы размять затекшие ноги и руки. После чего обвел взглядом

почти безлюдный двор замка и криво усмехнулся, заметив, как спешивались его спутники – было очевидно, что зад болел не только у него одного. Впрочем, жаловаться никто не посмел, ведь сегодня им предстояло провести ночь в тепле. И спать все они лягут сытыми.

Снова осмотревшись, Малколм устремил взгляд на массивную дубовую дверь, ведущую в главный зал замка. Он рассчитывал, что хозяева выйдут поприветствовать гостей. Однако дверь оставалась плотно закрытой. Малколм вопросительно взглянул на слугу, которому передал вожжи, но тот отвел глаза и уставился себе под ноги.

«Проклятие!» – мысленно воскликнул сэр Малколм. Он согласился ехать в этот богом забытый замок только потому, что не мог больше смотреть, как страдала мать, тосковавшая по своему младшему сыну. Отец Малколма тоже считал, что ехать к Армстронгам ни к чему, но леди Айлен была убеждена: Давина непременно сможет пролить свет на причину странного, по ее мнению, поведения Джеймса.

Хотя что в его поведении странного? Джеймс покинул Шотландию, чтобы воевать за правое дело – все просто и понятно. И все же мать почему-то считала: ключ к разгадке «тайны» – у леди Давины.

О местонахождении Джеймса они узнали от одного странствующего священника, доставившего им его письмо спустя месяцы после того, как Джеймс покинул родину, никому об этом не сообщив, – он исчез, даже не попрощавшись. И с тех

пор о нем ничего не было известно, как, впрочем, ничего не было известно и о военных успехах крестоносцев, в чьи ряды он вступил, чтобы покарать неверных, захвативших Святую землю. И это притом, что почти все горцы, участвовавшие в Крестовом походе, уже вернулись в Шотландию. Но для Джеймса война продолжалась. Если, конечно, он был жив. О том, что его, возможно, уже нет в живых, в семье предпочитали не думать.

Тут прогремел гром, и Малколм почувствовал, как на голову ему упала крупная капля дождя. Проклятие! Все, с него довольно! Не хватало еще вымокнуть насквозь, стоя под дверью Армстронга! Он, Малколм, не потерпит такого к себе отношения!

Распахнув тяжелую дверь, сэр Малколм шагнул в зал. Он научит хозяина хорошим манерам!

В главном зале замка людей было немного, и гость, казалось, напугал их своим внезапным появлением. Одна из горничных бросилась наутек, другая уронила корзину с хлебом. Двое мужчин схватились за мечи, но тут же опустили руки по приказу высокого мускулистого воина, судя по всему, начальника стражи.

Брезгливо поморщившись, Малколм нарочито медленно убрал руку с рукояти меча. «Похоже, нас тут не ждали, – подумал он с удивлением. – Но если так… Черт возьми, что происходит?!»

Малколм глянул через плечо, дабы убедиться, что его лю-

ди на месте. Затем с каменным лицом неспешно приблизился к троице у камина. И узнал лишь двоих – лэрда Армстронга и его жену. Третьей, скорее всего, была та самая, недоброй памяти, леди Давина.

Лэрд Армстронг был приземистым и грузным, с красным лицом. И его маленькие черные глазки, похожие на бусины, казалось, буравили Малколма. Леди Армстронг гораздо быстрее сориентировалась в ситуации и даже изобразила некое подобие улыбки, но взгляд у нее был недобрый и еще более цепкий, чем у мужа.

Не слишком радушный прием нисколько не обескуражил Малколма. Ведь, в конце концов, он прибыл сюда не с дружеским визитом. И задерживаться не собирается. Он должен был сопроводить леди Давину в замок Маккены, и ничего другого ему не требовалось.

– Лэрд Армстронг, леди Изобел, я – сэр Малколм Маккена, – сообщил Малколм и вежливо поклонился хозяевам. Затем перевел взгляд на молодую женщину, стоявшую рядом с ними, и спросил: – Вы ведь леди Давина?

– Да, сэр Малколм, – ответила девушка, присев в глубоком реверансе. – Добро пожаловать в замок Армстронга, сэр Малколм.

Эта Давина держалась и говорила робко, опустив глаза, но голос у нее был чудесный – его можно было бы назвать ангельским, если бы не хрипловатые нотки, которые так возбуждающе действовали на мужчин. Заинтригованный, Мал-

колм решил приглядеться к ней как следует. Конечно, красавицей она не была – он встречал женщин гораздо более привлекательных, чем Давина Армстронг. И все же следовало признать: смотреть на нее было приятно. Правильные черты лица… Безупречная кожа… Выразительные темно-карие глаза с влажным блеском – и что-то еще… Что-то неуловимое, но чрезвычайно привлекательное.

Тут лэрд Армстронг наконец пришел в себя и, откашлявшись, произнес:

– Прошу простить нас, сэр Малколм. Нам только сейчас стало известно о планах Давины, и потому ваш приезд застал нас врасплох.

Малколм перевел взгляд на хозяина замка и проговорил:

– Если у вас есть какие-то сомнения относительно наших намерений, то поспешу их развеять. Моя мать с нетерпением ждет приезда леди Давины и готовит для нее самый теплый прием.

– И все же кое-какие вопросы необходимо уладить до того, как мы разрешим вам увезти леди Давину, – выпалила леди Изобел.

– Да, именно так, – вторил жене лэрд Армстронг.

Малколм в недоумении переводил взгляд с жены на мужа. «Что это с ними? – спрашивал он себя. – За кого они меня принимают? За разбойника? За грабителя, намеревающегося украсть их сокровище? Ведь я приехал сюда лишь затем, чтобы обеспечить леди Давине охрану в пути…»

Заставив себя улыбнуться, Малколм проговорил:

– Я приму все меры к тому, чтобы леди Давина не испытывала в дороге никаких неудобств. В противном случае мне пришлось бы держать ответ перед моей матушкой. И если честно, то должен признаться: я предпочел бы сразиться с целой армией английских псов, чем навлекать на себя ее гнев.

Увы, из попытки Малколма разрядить обстановку ничего не вышло – леди Изобел поморщилась, а муж ее помрачнел.

Малколм снова посмотрел на леди Давину. Но та стояла с опущенной головой, не смея поднять глаза.

Малколм мысленно выругался. Он совершенно не понимал, что происходило. И из-за этого все сильнее злился. Действительно, почему Армстронги не хотели отпускать Давину в гости к его матери? В чем же тут причина?…

Но сэр Малколм сдаваться не собирался. В его шутке насчет материнского гнева было зерно истины: ему совсем не хотелось обманывать доверие матери. У них в роду мужчины всегда старались выполнять обещания, что давали своим женщинам. Так что если придется украсть леди Давину, то так тому и быть. Главное – чтобы мать получила то, о чем просила.

Пока сэр Малколм вел переговоры с родственниками, Давина украдкой разглядывала гостя, пытаясь отыскать в нем общие с его братом черты. Увы, внешне братья мало походили друг на друга. Малколм был выше ростом, а его вол-

нистые, доходящие до плеч волосы казались гораздо темнее и гуще. Голубые же глаза были ярче и выразительнее, чем у младшего брата. В общем, Малколм, в отличие от Джеймса, был редким красавцем, встретить которого – огромная удача. Кроме того, его дорожный костюм – отороченная ценным мехом накидка и кожаные сапоги, плотно облегавшие мускулистые ноги, – свидетельствовал о богатстве и высоком положении; и о таком мужчине, как сэр Малколм, можно было только мечтать. Однако же, как ни странно, Давине не очень-то хотелось общаться с ним. Сейчас она мечтала лишь об одном – поскорее вернуться к себе в спальню и не выходить оттуда как можно дольше.

Ей и в голову не могло прийти, что леди Айлен поручит сопровождать свою гостью не пожилому ветерану, от которого в замке все равно проку нет, а молодому и сильному воину. Причем не просто воину, а старшему сыну и наследнику, будущему вождю самого могущественного клана в нагорье. Может быть, именно поэтому сэр Малколм Маккена внушал ей некоторый страх. Да и вел он себя как человек, знавший, что должен повелевать и властвовать. Как человек, осознававший свою силу. А она, Давина, после пережитого пять лет назад невольно воспринимала как угрозу любое проявление силы. Страх продолжал жить в ее душе, и доводы рассудка были над этим страхом не властны – она вдруг почувствовала, что задыхается, и на лбу у нее выступила испарина.

Тут тетя Изобел взглянула на нее с недобрым прищуром,

но, заметив, в каком она состоянии, смягчилась и отправила ее на кухню – с поручением кухарке приготовить закуски.

– Ужин еще не скоро, а сэр Малколм и его спутники, должно быть, успели проголодаться, – добавила тетушка.

– Вы очень добры, леди Изобел, – с поклоном произнес Малколм. – Мы премного благодарны вам за гостеприимство.

Давина не могла не оценить ловкость и сообразительность сэра Малколма. Церемонно поблагодарив леди Изобел за гостеприимство, он, конечно, дал ей понять, что недоволен «теплым» приемом, однако же сделал это так тонко, что ей и сказать было нечего.

Сообщив кухарке все, что следовало, Давина не торопилась возвращаться в зал. Сначала она должна была успокоиться и взять себя в руки. Когда же она наконец решилась войти, тетя Изобел, дядя Фергус и сэр Малколм уже сидели за столом.

Сэр Малколм обернулся, когда Давина открыла дверь, и доверительно ей улыбнулся. Давина подошла к помосту, на котором был установлен стол, и он галантно подал ей руку. Девушка с опаской посмотрела на его протянутую руку. Гость был без перчаток, и она заметила мозоли на его ладони и даже небольшой шрам на указательном пальце.

Давина мысленно отчитала себя за трусость. Если уж она решила бороться со страхом перед противоположным полом, то пора было начать претворять свои планы в жизнь,

разве не так?

Собравшись с духом, Давина робко протянула гостю руку, но тут же, вскрикнув, отдернула ее и спрятала за спину. Однако ей сразу стало стыдно за свою выходку; она испугалась, что обидела гостя. Она украдкой взглянула на сэра Малколма, приготовившись к тому, что придется просить у него прощения, но он выглядел так, словно ничего и не заметил. Чего, конечно же, быть не могло.

Давина выдохнула с облегчением. В отличие от других мужчин, которые в сходной ситуации вели себя далеко не так тактично, сэр Малколм предпочел не заметить ее промаха.

Сев за стол, Давина сцепила пальцы в замок, чтобы как-то унять дрожь. Потупив взор, она считала про себя вдохи и выдохи. Даст бог – и тревога ее отпустит.

Между тем слуги уже принесли еду: холодное мясо, хлеб и сыр; питье же, эль и вино, было в кувшинах.

Давина не прислушивалась к разговору хозяев с гостем, но, едва тетя коснулась главной темы, насторожилась.

– Боюсь, что наша племянница не сможет поехать с вами, сэр Малколм, поскольку без горничной я ее не отпущу, – заявила тетушка.

Сэр Малколм, прекратив жевать, уставился на леди Изобел. И Давина прекрасно понимала его недоумение.

Какое-то время гость молчал. Затем с любезной улыбкой сообщил:

– Служанке леди Давины предоставят отдельную комнату,

так что можете на сей счет не беспокоиться. А если леди Давина пожелает взять с собой двух служанок, то места хватит и для двоих.

– У нас нет лишних служанок, – проворчал дядя Фергус.

– Ведь нам тоже надо готовиться к празднику, – поддержала мужа тетя Изобел. – Столько дополнительных хлопот!.. А у нас и в будни-то работать некому!

Сэр Малколм в растерянности промолчал, и Давине стало его жалко. Он, казалось, никак не мог понять, как решить эту задачу. Более того, он, судя по всему, вообще не понимал, почему ему надо было делать это.

– В замке Маккены слуг хватает, – произнес он наконец. – Я могу с уверенностью обещать, что у леди Давины будет собственная горничная. Моя мать об этом позаботится, как только леди Давина приедет в замок.

– Леди Давина – незамужняя девушка, – с нажимом произнес дядя Фергус. – И как мы можем отпустить ее одну с целым отрядом мужчин?! Это же немыслимо!..

Если дядя Фергус верил в то, что его козырь бить нечем, то он сильно ошибался. Красавец рыцарь, надменно вскинув бровь, проговорил:

– В качестве компаньонки леди Давины может поехать любая женщина из ее круга, необязательно служанка. Моя мать нередко берет с собой компаньонку, когда ездит навещать родственников.

Дядя Фергус, как ни старался найти изъян в столь простом

решении проблемы, ничего не придумал. А у тети Изобел было такое лицо, словно она набрала полный рот уксуса, но и она не нашла, чем возразить сэру Малколму.

– Я попрошу Коллин составить мне компанию, – сказала Давина, и эти ее слова стали первыми, что она произнесла с тех пор, как села за стол. – Мне думается, смена обстановки пойдет ей на пользу. После смерти мужа Коллин не перестает грустить…

– Вдова? Идеальный выбор! – Сэр Малколм одарил Давину благодарной улыбкой, и она почувствовала, как щеки ее зарделись румянцем. – Что ж, значит, решено. Выезжаем завтра на рассвете. А сейчас прошу меня извинить. Мне и моим людям надо заняться лошадьми.

Громко царапнув ножками стула по каменному полу, сэр Малколм встал из-за стола. Дядя Фергус поднялся вместе с ним и проговорил:

– Мы приготовим для вас комнату, где вы сможете провести ночь. В казармах свободных мест нет, но ваши люди могут переночевать здесь, в главном зале.

Едва ли сэр Малколм рассчитывал на столь прохладный прием, но он не позволил себе ни намека на неудовольствие. Когда же гость с улыбкой поблагодарил хозяина за гостеприимство, Давина невольно подумала: «А что сейчас на самом деле чувствует Маккена?»

– Увидимся за ужином, леди Давина, – сказал, поклонившись ей, прекрасный рыцарь. И удалился.

Давина же глубокий вдохнула – ей почудилось, что сэр Малколм унес с собой весь воздух, находившийся в зале.

– О господи, Давина! Неужели ты и в самом деле собралась уехать с этим человеком из родного дома, где сами стены тебе помогают?! Ведь от такого, как он, можно ждать чего угодно! – восклицала леди Изобел.

Возмущению тети не было предела, и Давина, хоть и не разделяла ее опасений, все же подумала: «А так ли беспочвенны эти опасения?» И все же, решив идти до конца, она заявила:

– В роду Маккены все мужчины – достойные люди, так что о моей безопасности беспокоиться нечего. – В эти мгновения она прекрасно понимала: если ей удастся благополучно пережить путешествие под эскортом сэра Малколма Маккены, то с ее страхом перед сильным полом навсегда будет покончено.

Глава 5

Давина не принимала участия в вечерней трапезе. Она пока не была готова к близкому общению с сэром Малколмом, что шло вразрез с ее заявлениями о том, что ей не терпится поскорее отправиться в путь под эскортом столь благородного рыцаря.

Коллин с удовольствием приняла предложение хозяйки и помогла ей собрать все необходимое для путешествия и для пребывания в замке Маккены. Когда же вещи были уложены, Давина перекусила у себя в спальне и, еще раз проверив, все ли на месте, легла в постель. Но сон не шел; ее одолевали сомнения и страхи, и она, как ни старалась, не могла с ними справиться.

За несколько часов до рассвета ей все же удалось заснуть, но сон ее был беспокойный – полный ярких и тревожных видений.

…Ей снился высокий широкоплечий воин, и этот воин собирался ее поцеловать. Хотя лицо его было красивым, а манеры – изысканными, при мысли о том, что ей предстояло с ним поцеловаться, Давине делалось не по себе. Он заставлял ее нервничать, сильно нервничать.

С робкой улыбкой она вежливо отказала ему, и в мгновение ока от его хороших манер не осталось и следа. Он схватил ее в объятия и ни за что не захотел отпустить. Ни когда

она требовала. Ни когда умоляла. Ни когда начала плакать.

А воин, смеясь над ее попытками вырваться, покрывал поцелуями ее шею, а потом прикусил мочку уха.

Замирая от страха, сама не своя от стыда, она кусала губы, пока он шарил руками по ее телу, грубо тиская грудь.

Злые слезы жгли ей глаза. Она пыталась кричать, но у нее пропал голос. А воин, накрутив ее косу на запястье, повалил ее на землю и оседлал.

И теперь тот, кто сидел на ней, уже не был красивым воином – лицо его исказила страшная гримаса. Когда же он задрал ее подол, его лицо превратилось в звериную морду и начало расплываться, меняя очертания, словно отражение в подернутой рябью воде…

Давина проснулась от собственного крика. Ей не хватало воздуха. Вот уже почти год, как ее перестали терзать подобные кошмары. Но она собралась покинуть надежные стены замка Армстронгов, и ее страхи, приняв обличье ночных кошмаров, вновь заявили о себе.

Давина закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Она чувствовала, как подступают к глазам слезы, но волю слезам давать не стала: если бы кто-нибудь услышал ее всхлипывания, об этом сразу стало бы известно тете и дяде, и тогда бы ее точно никуда не отпустили.

Еще не вполне восстановив дыхание, Давина встала с постели и, сделав несколько шагов, споткнулась о сундук с вещами, что накануне собрала в дорогу. Усевшись на стул ря-

дом с кроватью, девушка закрыла лицо ладонями и тихо прошептала:

– А может, правы тетя Изобел и дядя Фергус? Что, если мне удается справляться со страхом только здесь, дома, а за стеной замка меня ждет смерть или того хуже – безумие?

В нише, в углу, стояла шкатулка, а в шкатулке находился пузырек с лекарством, которое Давина принимала всякий раз, когда у нее расшатывались нервы (эту настойку травница приготовила специально для нее). С одобрения тети она пила настойку по нескольку раз в день сразу после того злополучного нападения. Выпив настойки, Давина забывалась глубоким сном – без страданий и боли. Но и по прошествии нескольких месяцев девушка частенько принимала снадобье, делавшее ее жизнь более или менее сносной.

В какой-то момент Давина осознала, что уже не может обходиться без заветного пузырька, и, осознав это, она решила постепенно отучать себя от лекарства – прибегала к его помощи только тогда, когда становилось совсем уж плохо. Ее усилия принесли плоды: через некоторое время Давина могла бы с гордостью заявить, что уже не нуждается в этой шкатулке. Но вот сейчас…

Она покосилась на шкатулку и тяжело вздохнула. Подошла к окошку и отодвинула кожаный полог. Лицо обдало холодом, но в голове, увы, не прояснилось. Давина поспешила прикрыть окно и вновь устремила взгляд на шкатулку.

– Я должна сделать глоток, иначе мне не хватит храбро-

сти, чтобы отсюда уехать, – прошептала она.

Казалось, ноги сами понесли ее к нише. Давина долго смотрела на пузырек. Наконец вытащила пробку. «Один только маленький глоточек – и все», – сказала она себе.

Так хотелось сделать глоток побольше, но Давина справилась с искушением. Она с усилием вогнала пробку в горлышко и, решительно убрав пузырек обратно в шкатулку, испытала приятное чувство от сознания того, что способна держать свои желания под контролем.

И все же, не оставив шкатулку в нише, Давина положила ее в собранный в дорогу сундук.

Первый день пути в замок Маккены прошел быстро и без происшествий.

Дядя Фергус и тетя Изобел угрюмо промолчали, когда Давина попрощалась с ними. А затем, приблизившись к воротам замка, девушка невольно сжала кулаки – целых пять лет прошло с тех пор, как она в последний раз побывала по ту сторону стены…

Закусив губу, Давина сжала коленями бока коня, побуждая животное прибавить шагу. Она чувствовала обращенные на нее взгляды, и от этих взглядов по спине ее пробегали ледяные мурашки. И все же, как бы там ни было, девушка не косилась по сторонам и спину держала прямо.

– Вы молодец, миледи, – прошептала ехавшая рядом Коллин.

Давина взглянула на свою компаньонку и едва заметно улыбнулась. С облегчением вздохнув, она мысленно поздравила себя с этой маленькой победой. И все-таки она это сделала!

Ей ужасно хотелось прокричать о своем триумфе на всю округу, однако Давина понимала, что прошла лишь первое, самое легкое испытание. А сколько их у нее впереди?

Но все же первый шаг – самый важный, и успех ее воодушевил.

Давина считала огромной удачей и то, что сэр Малколм, занятый построением всадников в походную колонну, не мог заметить ничего странного в ее поведении, когда она выезжала за ворота замка.

Ночью голую землю, еще не успевшую укрыться снегом, сковало морозцем. Давина надела все самое теплое, что у нее было, но ветер все равно продувал насквозь шерстяной плащ. Сэр Малколм, ехавший впереди колонны, все же время от времени оборачивался и смотрел на нее. И всякий раз, встречаясь с ним взглядом, Давина ловила себя на том, что сердце ее уходило в пятки. Тем не менее она принуждала себя улыбаться, делая вид, что с ней все прекрасно. И похоже, она справлялась с задачей, потому что сэр Малколм раз за разом одобрительно кивал ей.

Через несколько часов пути они сделали остановку, чтобы напоить коней и перекусить хлебом и сыром, запивая еду вином. Сэр Малколм подошел к Давине, когда та, превозмо-

гая ноющую боль во всем теле, забиралась в седло.

– Мы должны ехать почти до темноты, чтобы к ночи добраться до аббатства Монтгомери, где нам предстоит переночевать, – сообщил ей сэр Малколм. – Надеюсь, вам и вашей спутнице такой переход по силам.

– Да, вполне по силам, – ответила Давина, опустив глаза, чтобы сэр Малколм не прочел в них правду.

Вот уже пять лет, как она никуда не выезжала, и с непривычки ужасно болело все тело. Но не могла же она допустить, чтобы из-за ее жалоб им всем пришлось ночевать на дороге!..

Лишь услышав, как застонала Коллин, уже забравшаяся в седло, Давина усомнилась в том, что правильно сделала, ответив за них обеих. Минуту спустя девушка тихо сказала:

– Ах, Коллин, простите, что не справилась о вашем самочувствии. Я позову сэра Малколма и скажу ему…

– Нет, миледи, не стоит, – перебила служанка. – Может, я и не такая молодая, как вы, но выносливости мне не занимать. И к холоду я куда привычнее вас.

– Что же, тогда – вперед. Надеюсь, дальше станет легче.

Сэр Малколм, поверив девушке на слово, больше вопросов ей не задавал, и Давина была этому рада, так как очень сомневалась, что смогла бы снова убедительно солгать.

И вот наконец, спустя целую вечность, когда солнце уже почти закатилось за горизонт, вдали показались стройные шпили аббатства. Заметив их, Давина радостно улыбнулась,

ведь скоро у нее будет теплая и мягкая постель.

Аббат встречал их во дворе, из чего Давина заключила, что сэр Малколм послал вперед гонца, чтобы в аббатстве успели подготовиться к ее приезду. Такая предупредительность приятно удивила ее и тронула. «Джеймс поступил бы так же», – подумала она с мечтательной улыбкой.

Сэр Малколм ловко спрыгнул с коня, затем направился к девушке с намерением помочь ей спешиться. При одной мысли о том, что к ней сейчас прикоснется мужчина, Давина в ужасе содрогнулась. Она попыталась слезть с коня самостоятельно, но сэр Малколм, не дожидаясь разрешения, обнял ее за талию. Она снова содрогнулась, но он, казалось, даже этого не заметил.

Давину слегка качнуло, когда Малколм опустил ее на землю; а сердце ее колотилось так, что он, наверное, услышал его стук.

Девушка уставилась в землю, не смея поднять глаза, но все же она чувствовала на себе пристальный взгляд сэра Малколма. «Интересно, о чем он сейчас думает?» – внезапно промелькнуло у нее.

Возможно, решившись на эту поездку, она совершила роковую ошибку. Возможно, переоценила свои силы. И, конечно же, совершенно очевидно: она будет многократно выставлять себя на посмешище во время этого путешествия. А что ее ждало в гостях у леди Айлен, одному богу известно.

В одной из пристроек аббатства размещался приют для

путешественников, где они могли провести ночь. По дороге в эту пристройку Давине пришла в голову мысль: ведь наутро можно было сказаться больной и попросить, чтобы ее отвезли обратно в замок Армстронгов.

Но эта мысль тотчас же ушла, и Давина, сжав кулаки, мысленно отругала себя за трусость. Все, хватит! Она и так слишком долго пасовала перед своими страхами! И если уж она приняла решение побороть свой страх, то должна довести дело до конца. Но на сегодня хватит с нее борьбы…

На пороге маленькой комнаты, где из мебели имелись только две кровати, на одной из которых предстояло спать ей, а на другой – ее компаньонке, Давина поблагодарила аббата за гостеприимство и сообщила, что ужинать они будут в спальне, а сразу после ужина лягут спать.

Священнослужитель, явно не ожидавший услышать такое, в растерянности откашлялся и поспешил сообщить гостье, что устав монастыря не запрещал женщинам находиться в одном помещении с братией.

– Добро пожаловать на ужин в трапезную, – добавил он.

Щеки Давины вспыхнули. Она потупилась. Однако же чувствовала, что сэр Малколм буравил ее взглядом.

– Нет-нет, спасибо, благодарю вас, – пробормотала она. – Мы с моей служанкой слишком устали, так что едва ли сможем составить вам приятную компанию. Я желаю вам всем доброй ночи, – с этими словами Давина юркнула за дверь, и Коллин тотчас последовала за ней.

На следующее утро Давина проснулась с болью во всем теле. Вздыхая и охая, она с трудом доковыляла до умывальника. Сочувственно прищелкивая языком и покачивая головой, Коллин помогла хозяйке одеться.

– Вы не в том состоянии, чтобы продолжать путь, миледи, – проговорила горничная.

– Все будет хорошо, надо только размять мышцы, – ответила Давина. Но подобный оптимизм никак не вязался с гримасой боли, исказившей ее лицо.

– Не думаю, что сэр Малколм с вами согласится, – возразила Коллин.

Возможно, и так. Но только она не собиралась жаловаться сэру Малколму на здоровье. И вообще, чем быстрее они доберутся до замка Маккены, тем лучше. Вероятно, там ей проще будет укрыться от пристального внимания благородного рыцаря.

– Прошу вас ничего сэру Малколму не говорить, – непререкаемым тоном заявила Давина.

Коллин лишь сокрушенно покачала головой, но просьбу хозяйки, более походившую на приказ, все же исполнила.

Кое-как забравшись в седло, Давина обратилась к Богу с горячей мольбой о том, чтобы Он дал ей дожить до конца дня и не умереть от боли. На выезде из аббатства дорога делала крутой вираж, поворачивая за гряду высоких гор, и потому пришлось пустить коней шагом, чему Давина весьма

порадовалась. Но радость ее была недолгой.

Вскоре они вновь выехали на равнину, и тут ей пришлось несладко. Лишь после двух часов быстрой езды они наконец вновь придержали лошадей, чтобы свернуть в лес – на узкую тропку, петлявшую между деревьями.

И теперь всадникам пришлось растянуться в длинную цепочку по одному. И вскоре выяснилось, что им предстояло перебраться на другой берег ручья. Дно было каменистое, и Давине приходилось внимательно следить за тем, куда ступал ее конь.

Деревья здесь росли очень густо, переплетаясь ветвями и образуя над тропинкой нечто вроде навеса. Кое-где на ветках еще оставалась листва, и солнце, пробиваясь сквозь кроны, причудливо расцвечивало все вокруг. В лесу дышалось хорошо и свободно, и даже боль в мышцах не помешала ей испытать полузабытое – и такое светлое! – чувство полноты жизни. Давина невольно улыбнулась и покрутила головой из стороны в сторону. И вдруг по спине ее пробежал холодок – ей показалось, что она заметила какое-то движение в глубине леса. Она уже хотела окликнуть Коллин и спросить, не заметила ли та чего-нибудь подозрительного, но тут прямо на тропинку упало надломленное дерево. И тотчас же тишину разорвал боевой клич; оказалось, что из глубины леса к ним скакали вооруженные люди. А через несколько мгновений сэр Малколм осмотрелся, нахмурился и громко прокричал:

– Нападение из засады! Люди Маккены, ко мне!

Даже застигнутые врасплох, воины Маккены быстро перегруппировались, став так, чтобы женщины оказались в центре кольца, за спинами своих защитников. И вскоре воздух наполнился звоном стали, людскими криками и ржанием коней.

Определить, к какому клану принадлежали нападавшие, было невозможно, но сражались они умело – как воины, прошедшие хорошую боевую выучку. Причем Давине удалось рассмотреть лица атакующих, и она даже видела их холодные и хищные глаза. Такие же глаза были у тех неизвестных, что напали на них с Джеймсом в лесу на склоне холма. При мысли об этом у Давины закружилась голова, и все поплыло перед глазами. Она непременно упала бы с лошади, если бы ее не привел в чувство внезапный крик Коллин, на глазах у которой упал на колени, прижимая ладонь к окровавленному плечу, один из воинов Маккены.

Давина схватила поводья лошади, на которой сидела Коллин, пытаясь заставить животное отступить к центру кольца. Сознание ее как бы расщепилось: ей хотелось закрыть глаза и зажать уши, чтобы ничего не видеть и не слышать, – и в то же время она боялась, что смерть вот-вот застигнет ее врасплох.

«Но если уж так, если мне суждено погибнуть, – сказала себе Давина, – то я буду смотреть прямо в глаза тому, кто вонзит кинжал в мое сердце».

Хотела она того или нет, Давина воспринимала происхо-

дившее сейчас сквозь призму пережитого, и то давнее отчаяние мешало ей трезво оценить ситуацию. Однако же, заставив себя сосредоточиться на фактах, а не своих эмоциях, она увидела существенные отличия между тем, что было тогда, и тем, что происходило сейчас. Сейчас разбойники ненамного превосходили числом воинов Маккены, и шансов победить в этой схватке у Малколма было гораздо больше, чем тогда у Джеймса, который один противостоял шестерым. И действительно, разбойники потеряли троих убитыми, тогда как среди людей Малколма погибших не было, только раненые.

Давина уже решила, что все самое страшное осталось позади, как вдруг душераздирающий вопль одного из воинов напугал ее лошадь. Животное взвилось на дыбы, и девушка мертвой хваткой вцепилась в поводья, но ей это не помогло. Давина упала, больно ударившись о землю, и тут же сжалась в комок, пытаясь защититься от копыт. Она сейчас не думала ни о чем; ей даже бояться было некогда, и оставалось лишь одно – молиться. В голове же у нее стоял гул, и все было как в тумане.

Но вскоре шум битвы стих, а потом, спустя еще какое-то время, – ей показалось, что прошла вечность, – Давина вдруг почувствовала, что над ней кто-то стоит. Сама не своя от страха, она все же заставила себя поднять голову и посмотреть на того, кто нависал над ней. И увидела озабоченное лицо сэра Малколма.

– Вы не ушиблись, леди Давина? – спросил он и накло-

нился, осторожно коснувшись ее щеки.

– Не очень сильно, – пролепетала Давина; губы ее дрожали.

Сэр Малколм с величайшей осторожностью провел ладонями по ее телу, проверяя, нет ли повреждений, затем сказал:

– Кажется, все в порядке. – И он помог ей подняться на ноги.

Давина буквально повисла на нем. И она старалась не смотреть на неподвижно лежавшие на земле окровавленные тела. Внезапно вспомнив про служанку, девушка воскликнула:

– Коллин!.. Где Коллин?!

– Я здесь, миледи. Жива и здорова, – тотчас же послышался голос.

«Слава богу!» – мысленно воскликнула Давина и, покачиваясь, шагнула навстречу своей компаньонке. Женщины обнялись со слезами на глазах.

Но Давина, как ни старалась, не могла унять дрожь. «Как странно, что в такой удивительно ясный зимний день, когда на синем небе не найти ни единого облачка, на душе у меня так темно…» – невольно подумала она.

– Как там наши? Раненые есть? – услышала она словно издалека голос сэра Малколма.

– У младшего Эдгара задета рука, и рана над глазом сильно кровоточит. А у Гарольда плечо прорубили до самой ко-

сти, – ответил один из солдат.

Сэр Малколм выругался сквозь зубы, и Давина внезапно забыла о своих страхах.

– Мы с Коллин позаботимся о раненых, – решительно заявила она.

У Давины немного дрожали руки, когда она искала у себя в сундуке настойку и льняную рубашку. Раненых успели усадить под дубом, спиной прислонив к стволу, и Коллин уже осматривала их, когда Давина наконец подошла к ней. От вида крови и изрубленной плоти к горлу подкатил комок, но девушка строго сказала себе: «Эти люди пострадали, защищая твою жизнь, и потому позаботиться о них – твоя прямая обязанность».

Кто-то принес воды из ручья, и Давина под руководством Коллин промыла воинам раны. Ей никогда еще не приходилось никого лечить, но Коллин, к счастью, имела достаточный опыт, поэтому и на этот раз все делала быстро и умело. Следуя указаниям своей компаньонки, Давина перевязывала раненых.

– Миледи, не стоило ради меня портить такую хорошую вещь, – смущаясь, пробормотал Эдгар-младший, кивнув на то, что осталось от рубашки.

Улыбнувшись пареньку – ему на вид было не больше пятнадцати, – Давина сказала:

– Вы и ваши храбрые друзья совершили подвиг, защитив меня и Коллин, и я счастлива, что могу хоть что-то сделать

для таких героев. А что до рубашки, так это пустяк, о котором и говорить не стоит.

– Выходит, зря я за тебя переживал, парень, – вмешался сэр Малколм. – Раз у тебя хватает сил флиртовать с симпатичной девушкой, значит, не так все и страшно.

Паренек покраснел и опустил глаза. Как бы ни храбрился юный воин, Давина видела, что ему очень больно. Она поднесла к губам парня пузырек с заветной настойкой и попросила сделать один глоток. Паренек был худ и невысок, и глотка ему должно было хватить, чтобы лекарство подействовало. А вот Гарольду, который был вдвое крупнее Эдгара, Давина велела сделать три больших глотка.

Сэр Малколм подошел к ней, когда она убирала в сундук, закрепленный позади седла, пузырек с оставшимся лекарством и то, что осталось от рубашки.

– До тех пор, пока я не привезу вас в наш замок, я не могу гарантировать вам безопасность, – сообщил ей Маккена. – Может, вы предпочли бы вернуться домой?

Этот вопрос удивил Давину. Она давно привыкла жить по чужой указке, и было странно, что ее мнение могло кого-то интересовать.

– Я хотела бы продолжить путь к замку Маккены, если только вы не посоветуете мне вернуться к Армстронгам, – ответила девушка.

Сэр Малколм удовлетворенно кивнул, и лицо его на миг просветлело, но лишь на миг.

– До замка Маккены можно добраться иным путем, менее исхоженным и более коротким. Но он пролегает через горы с крутыми обрывами и узкими уступами. Вы справитесь?

– Я не боюсь высоты, – ответила Давина, нисколько не покривив душой. Она панически боялась всего на свете, кроме высоты. – Но меня беспокоят раненые, – добавила девушка. – Справятся ли они?

– Мы будем устраивать привалы так часто, как потребуется. Самое важное для них сейчас – не подхватить лихорадку, и мы должны следить, чтобы раны не загноились. А все остальное – в руках Господа.

Давина молча кивнула. Глядя вслед сэру Малколму, она подумала о том, что он, наверное, был не так уж уверен в благополучном исходе этого путешествия…

Сэр Малколм держал слово; они останавливались довольно часто, чтобы дать отдых коням и раненым. С наступлением же темноты разбивали лагерь на ночь и трогались в путь с рассветом. Давина и Коллин ухаживали за ранеными как умели, и, к счастью, обошлось без воспалений.

К исходу четвертого дня пути резко похолодало. Ночью у Давины зуб на зуб не попадал; когда же, тщетно пытаясь согреться у костра во время очередной остановки, Давина подумала о том, что еще одну такую ночь ей не пережить, сэр Малколм, указав на рощу вдали, сказал:

– За этой рощей начинаются земли клана Маккены.

И после этого даже стук копыт о мерзлую землю зазвучал как-то веселее, а холод уже почти не донимал. Наконец они миновали рощу, и теперь уже, чтобы добраться до замка Маккены, оставалось преодолеть последний подъем.

Через несколько часов пути, когда они поднялись на вершину скалистого гребня, Давина увидела замок. Увидела – и замерла в изумлении. Ради такой красоты стоило пуститься в столь долгий и трудный путь со всеми его тяготами и лишениями. Величественный и мощный, устремленный в небо всеми своими башнями, над самой высокой из которых гордо реяло на ветру знамя с гербом клана Маккены, этот парящий над неприступными горами замок поражал воображение.

Четыре главные квадратные башни располагались по углам замка, но между ними имелось множество башен поменьше, и все они соединялись проходами, защищенными зубчатыми парапетами. А внешняя стена, сложенная из бледно-серого камня, была невероятной высоты и толщины. Да, замок Маккены действительно представлял собой неприступную крепость.

И с внешней стороны стену опоясывал целый город с лабиринтами узких улочек; всевозможные лавки жались друг к другу и к стене, а чуть подальше от городской стены располагались крестьянские подворья.

Хотя уже наступили сумерки, многие люди высыпали из своих домов, радостными возгласами встречая наследника

вождя клана и его гостей.

Сэр Малколм ехал впереди кавалькады, приветствуя своих подданных улыбками и взмахами руки. У Давины не было повода сомневаться в том, что в клане Маккены простые люди были довольны жизнью и верны тем, кто ими правил.

Когда же они через широко распахнутые высокие ворота въехали во двор замка, сразу же стало понятно, что к их приезду здесь подготовились; расторопные слуги уводили лошадей на конюшню, а воины обнимали жен и невест, радостно их встречавших.

Не увидев среди встречавших жену сэра Малколма, Давина лишь сейчас вспомнила об одном из посланий леди Айлен – та писала ей о том, что ее старший сын недавно овдовел, так как его жена, не успев разменять третий десяток, умерла от какой-то скоротечной болезни.

Давина готовилась спешиться, прикидывая, как бы сделать это так, чтобы уставшие ноги не подкосились в последний момент. Блуждая взглядом по двору замка, она заметила у главного входа мужчину и женщину в дорогих одеждах. Оба были уже в годах.

– Мои родители, – шепнул ей сэр Малколм, но Давина и сама догадалась, кто такие эти люди.

Сэр Малколм, должно быть, унаследовал от отца горделивую осанку, так же как и высокий рост и могучее сложение. А рядом с отцом сэра Малколма стояла его мать. «Его – и Джеймса», – мысленно добавила Давина, и тотчас же сердце

ее забилось часто-часто, а ладони под перчатками вспотели.

Сама не своя от волнения перед первой встречей с пригласившими ее людьми, Давина даже не успела испугаться, когда сэр Малколм внезапно обхватил ее за талию и, сняв с коня, опустил на землю.

Чувствуя, что не очень уверенно держится на ногах, Давина позволила Малколму взять ее под руку и подвести к лэрду Маккене и его жене. Опираясь на руку рыцаря, Давина присела перед его родителями в глубоком реверансе. Когда же она выпрямилась, леди Айлен с чувством пожала ей руку, а потом обняла словно близкую родственницу, по которой успела соскучиться.

– Я так счастлива, что вы наконец здесь, – проговорила она с улыбкой.

Тронутая до глубины души, Давина искренне улыбнулась в ответ и, не найдя слов, обняла пожилую леди. Однако под испытующим взглядом лэрда Маккены улыбка ее быстро померкла. Острый глаз вождя клана подмечал все до малейших деталей; и то, что он увидел в молодой гостье, судя по всему, не слишком ему понравилось. Было совершенно ясно: в отличие от леди Айлен, теплых чувств к Давине Армстронг он не испытывал. Когда же он все-таки заставил себя улыбнуться, улыбка его больше напоминала волчий оскал. Посчитав, что на этом обмен любезностями можно считать законченным, лэрд Маккена обратился к сыну:

– Вижу, что Эдгар-младший и Гарольд в бинтах. Что у вас

произошло?

– Ничего такого, с чем мы не смогли бы справиться, – уклончиво ответил Малколм и поцеловал мать в щеку.

– Скорее проходите. Хватит стоять на холоде, – поспешила разрядить обстановку леди Айлен.

… Теплый запах пчелиного воска соединялся с чудесными ароматами свежевыпеченного хлеба и жаренного на вертеле мяса, и урчавший живот тотчас напомнил Давине о том, что она уже нескольких дней почти ничего не ела.

– Боюсь, у вас осталось мало времени на то, чтобы смыть с себя дорожную пыль, так как ужин подадут совсем скоро, – сказала леди Айлен. – Но я могу распорядиться, чтобы вам приготовили ванну в вашей спальне после вечерней трапезы.

– Я была бы вам несказанно благодарна за ванну, – ответила девушка.

– Значит, насчет ванны решено, – продолжала хозяйка. – Сейчас Меган проводит вас в вашу комнату, но, пожалуйста, возвращайтесь поскорее. Мужчины нашего клана не любят, когда их долго морят голодом.

Давине очень понравилась ее комната. Каменный пол покрывали циновки, на стенах висели цветные гобелены, в камине ярко горел огонь, а в воздухе витал тонкий аромат лаванды – засушенные букеты со скромными синими цветами лежали на покрывале. Уже стемнело, и по достоинству оценить вид из окна Давина все равно сейчас не смогла бы, но почему-то она была уверена, что этот вид ее впечатлит.

Вода в кувшине оказалась теплой, что не могло не радовать. Умывшись, девушка переоделась, выбрав наряд из зеленой шерсти с вышивкой по краю ворота и на рукавах. Круглый ворот подчеркивал изящество ее шеи, а прямой покрой, казалось, делал ее выше. Коллин заплела хозяйке косы, покрыла голову прозрачной вуалью, а сверху надела золотой ободок.

– Вам очень идет этот наряд, – с улыбкой заметила служанка, и эти искренне прозвучавшие слова сразу приободрили Давину – она почувствовала себя увереннее. А уверенность в себе ей сегодня была очень нужна.

Давина зашла в главный зал, который был куда просторнее, чем в замке Армстронгов, осмотрелась – и в тот же миг ее уверенность в себе улетучилась как дым на ветру.

Столько незнакомых людей! И как шумно! В ушах стоял звон от громких голосов и смеха. Но еще хуже стало Давине, когда она поняла, что почти все эти люди смотрели на нее. Мужчины, подталкивая друг друга локтями, указывали на нее пальцем, а женщины, которых здесь было значительно меньше, чем мужчин, перешептывались, глядя на нее.

Место Давины, как гостьи жены вождя, было за «высоким столом» – за ним восседал сам хозяин замка, а также его супруга и ближайшие родственники. Он и назывался «высоким», потому что располагался на возвышении. Стол этот находился в противоположном конце зала, и, чтобы до него дойти, надо было пройти мимо множества людей, сидевших

за другими столами.

Давина медлила, по-прежнему стоя у входа. «Не вернуться ли к себе в спальню, сославшись на усталость?» – думала она. Внезапно к ней со всех ног бросилась маленькая девочка в бледно-голубом платье. А следом за девочкой поспешили сэр Малколм и леди Айлен.

– Папа, ты привез мне новую маму?! – воскликнула малышка, с надеждой глядя на Давину.

Давина смотрела на нее в растерянности, а девочка, не дождавшись ответа, обхватила ее за талию и прижалась к ней. А потом вдруг громко заявила:

– Она мне подходит! Спасибо, папа!

Глава 6

Малколм не сводил с гостьи глаз. Он видел, как брови ее взметнулись вверх, когда его дочь обвила ее ручонками. И заметил, как удивление сменилось сочувствием – опустив на девочку глаза, Давина погладила ее по волосам.

– Сейчас же отпусти леди Давину, Лилея, – строго произнесла леди Айлен. – Разве так тебя учили встречать гостей?

– Не отпущу! – воскликнула девочка, еще крепче вцепившись в Давину.

– Будь умницей, крошка, и послушай бабушку, – ласково попросил дочку Малколм. – А не то леди Давина подумает, что ты учишься хорошим манерам у лесных зверей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.